

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

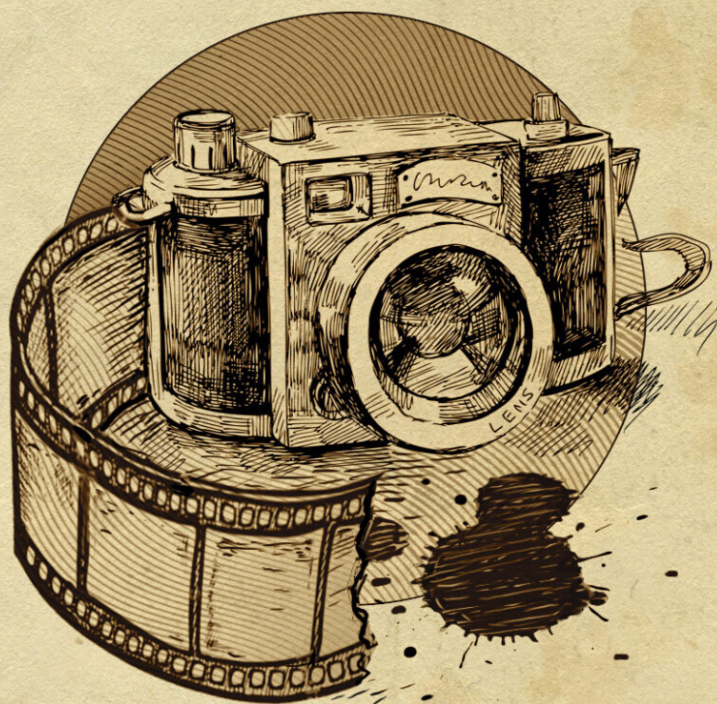

НАЙО

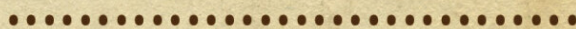

МАРШ

.....

ФОТОФИНИШ

СВЕТ ГАСНЕТ

Золотой век английского детектива

Найо Марш

Фотофиниш. Свет гаснет

«Издательство АСТ»

1980, 1982

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Фотофиниш. Свет гаснет / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1980, 1982 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-137383-2

Фотограф-папарацци преследовал оперную диву Изабеллу Соммиту до тех пор, пока у нее не сдали нервы. Поэтому покровитель-миллионер увез ее на остров, где она должна восстановить душевное здоровье, а заодно исполнить арию, написанную специально для нее тайным молодым любовником. Это место – идеальная декорация не только для постановки, но и для убийства: после премьеры великую певицу находят мертвой с приколотой к груди фотографией. Среди присутствующих гостей только суперинтендант Родерик Аллейн способен выяснить, кто желал смерти примадонне... Вокруг шекспировского «Макбета» в театральной среде ходит много таинственных слухов, кто-то даже считает пьесу проклятой и не произносит ее названия вслух. Но новая лондонская постановка известного режиссера Перегрин Джея обещает быть сногшибательной. Вот только уже на репетициях начинается что-то странное, а когда последний акт заканчивается настоящей трагедией, на сцену предстоит выйти не актерам, а суперинтенданту Аллейну...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-137383-2

© Марш Н., 1980, 1982

© Издательство АСТ, 1980, 1982

Содержание

Фотофиниш	7
Глава 1. Соммита	7
Глава 2. Дом на острове	20
Глава 3. Репетиция	35
Глава 4. Спектакль	49
Глава 5. Ноктюрн	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Найо Марш

Фотофиниш. Свет гаснет

Ngaio Marsh
Photo Finish
Light Thickens

© Ngaio Marsh Ltd., 1980, 1982
© Перевод. О. Постникова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Фотофиниш

Фреданеве с любовью

Глава 1. Соммита

Одним из многих чудесных навыков пения, которыми обладала Изабелла Соммита, было дыхание: оно было совершенно незаметным. Даже во время исполнения самых трудных пассажей и самых ошеломительных взлетов ее колоратурного сопрано корсаж Изабеллы никогда не колыхался.

«Можно бросить кубик льда в вырез ее платья, – хвастался ее менеджер Бен Руби, – и даже тогда ее грудь не шелохнется».

Это замечание он отпустил, сидя в ложе прямо над дивой, выступающей в Королевском фестивальном зале – и сказал при этом истинную правду. Вне сцены, когда у Ла Соммиты случался один из нередких для нее приступов гнева, грудь ее вздымалась весьма бурно.

Именно это происходило сейчас в ее приватном номере в сиднейском отеле «Шато Австралия». Соммита была в домашнем халате, и было совершенно очевидно, что она недовольна, и что причина ее недовольства лежит на столе: газета, сложенная так, чтобы была видна фотография на полстраницы с огромным заголовком «СВАРЛИВАЯ БАБА?» и подзаголовком «Ла Соммита недовольна!».

Фото было сделано накануне в сиднейском районе Дабл Бей. Фотограф в мягкой белой шляпе, закрывающем пол-лица белом шарфе и темных очках выскочил из переулка и щелкнул фотоаппаратом. Она не успела повернуться к нему спиной и получилась на фото с отвисшей челюстью и полуприкрытым левым глазом (с ним это часто случалось, когда ею овладевал гнев), похожей на пожилую разгневанную горгулью на приеме у дантиста. Подпись под фото гласила: «Филин».

Она стукнула по газете довольно большим белым кулаком, впечатав в бумагу кольца, украшавшие ее пальцы. Она часто и тяжело дышала.

– Выпороть бы его кнутом, – пробормотал Монтегю Реес. Он считался давним любовником Соммиты и исполнял эту роль так, как традиционно считалось правильным: это был богатый мужчина, крупный, с бледным лицом; он говорил приглушенным голосом, страдал от несварения и был в целом недоволен жизнью. Поговаривали, что в своем мире он обладает большой властью.

– Конечно, его нужно выпороть! – вскричала его подруга. – Но где тот друг, который пойдет и сделает это? – Она расхохоталась и обвела комнату презрительным жестом, включающим всех присутствующих. Газета упала на пол.

– Лично я, – сказал Бен Руби, – не знаю даже, с какой стороны братья за кнут.

Она бросила на него ледяной взгляд.

– Я не хотел острить, – сказал он.

– У тебя и не получилось.

– Нет.

Молодой человек романтического вида, сидевший на стуле поодаль позади дивы, прижал к животу папку с нотами и спросил с легким австралийским акцентом:

– Неужели ничего нельзя сделать? Разве на них нельзя подать в суд?

– За что? – спросил мистер Руби.

– Ну, за диффамацию. Ради бога, вы только взгляните на это! – воскликнул молодой человек. – Я хочу сказать, вы только *посмотрите!*

Двое других мужчин взглянули на него, а Соммита, не поворачивая головы, сказала: «Спасибо, дорогой», и протянула руку. Жест можно было истолковать лишь одним способом: это было приглашение; нет, даже приказ. Красивое лицо молодого человека залилось ярким румянцем, он встал и, продолжая удерживать норовившую упасть папку, подошел и почти-точно наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на пальцах Соммиты. Папку он не удержал, ее содержимое вывалилось и разлетелось по ковру: множество листов с записанными от руки нотами.

Он упал на колени и принялся ползать по полу.

– Простите, – бормотал он. – Ох, черт, мне так жаль.

Соммита обрушила на австралийскую прессу полномасштабную атаку. Руперт, сказала она, указав на молодого человека, совершенно прав. На прессу следует подать в суд. Нужно вызвать полицию. Фотографа вышвырнуть из страны. Разве можно терпеть то, как он разрушает ее жизнь, ее карьеру, ее душевное здоровье, и делает из нее посмешище для обоих полушарий планеты? (У нее была привычка вставлять в разговор географические данные.) Она согласилась на выступления в Австралии единственно ради того, чтобы сбежать от его подлого поведения – разве не так?

– Ты уверена, – спросил мистер Реес бесцветным голосом, – что это один и тот же человек? Филин?

Это замечание вызвало целую тираду. Уверена! Уверена! Разве этот мерзкий Филин не выскакивал из укрытия во всех столицах Европы, а также в Нью-Йорке и Сан-Франциско? Разве он не фотографировал Соммиту крупным планом, повергая ее в полнейшее смятение? *Уверена!* Грудь ее бурно вздымалась. Ну так что они собираются со всем этим делать? Ее защитят, или она должна пережить нервный срыв, потерять голос и провести остаток дней в смиренной рубашке? Ей просто хотелось бы это знать.

Двое мужчин обменялись бесстрастным взглядом.

– Мы можем нанять еще одного телохранителя, – без всякого энтузиазма предложил Монтегю Реес.

– Тот, что был в Нью-Йорке, не очень-то ей нравился, – возразил мистер Руби.

– Конечно, не нравился, – согласилась Соммита, громко дыша и раздувая ноздри. – Нет ничего веселого в том, чтобы за тобой по пятам ходил идиот в неопишемом наряде, который абсолютно ничего не сделал для того, чтобы предотвратить то безобразие на Пятой Авеню. Он просто стоял и тарашил глаза. Кстати, как и вы все.

– Милая, а что еще мы могли сделать? Тот парень прыгнул на пассажирское сиденье в открытой машине, и она умчалась, как только он сделал снимок.

– Спасибо, Бенни. Я помню обстоятельства этого случая.

– Но *зачем?* – спросил молодой человек по имени Руперт. – Что на него нашло? Ну то есть это же бессмысленно, и к тому же очень дорого – следовать за вами по всему свету. Он, должно быть, сумасшедший.

Как только эти слова слетели с его губ, он осознал свою ошибку и принялся бормотать. Возможно, из-за того, что он стоял на коленях и в буквальном смысле был у ее ног, готовая взорваться Соммита наклонилась и взъерошила его светлые волосы.

– Бедняжка! – сказала она. – Ты говоришь совершенно, абсолютно нелепые вещи, и я тебя обожаю. Я тебя не представила, – добавила она, спохватившись. – Я забыла твою фамилию.

– Бартоломью.

– В самом деле? Что ж, Руперт Бартоломью, – провозгласила она, взмахнув рукой.

– Здравствуйте, – пробормотал молодой человек.

Остальные кивнули.

– Зачем он это делает? Он делает это ради денег, – нетерпеливо сказал Монтегю Реес, возвращаясь к фотографу. – Нет никаких сомнений, что эта идея возникла у него после инцидента с Жаклин Кеннеди. Он завел дело гораздо дальше, и весьма успешно. Весьма.

– Верно, – согласился Руби. – И чем дольше он этим занимается, тем более... – он помедлил, – тем более возмутительным получается результат.

– Он использует ретушь, – вмешалась Соммита. Он искажает действительность. Я это знаю.

Все трое поторопились с ней согласиться.

– Я пойду одеваться, – неожиданно сказала она. – Сейчас же. А когда вернусь, то желаю услышать разумное решение вопроса. Я выдвигаю свои предложения, как бы вы к ним ни относились. Полиция. Судебное преследование. Пресса. Кто владелец этой... – она пнула оскорбившую ее газету и с некоторым трудом высвободила попавшую между страницами ступню, – этой макулатуры? Займитесь им. – Она широким шагом направилась к двери в спальню. – И я предупреждаю тебя, Монти. Я предупреждаю, Бенни. Это мое последнее слово. Если мне не предоставят убедительные доказательства того, что это преследование прекратится, я не буду петь в Сиднее. Пусть засунут себе поглубже свой Сиднейский оперный театр, – добавила Соммита, проявив таким образом свое предполагаемое происхождение.

Затем она удалилась, не забыв хлопнуть дверью.

– О боже, – тихо сказал Бенджамин Руби.

– Да уж, – вздохнул Монтегю Реес.

Молодой человек по имени Руперт Бартоломью, собрав листы в папку, поднялся с колен.

– Полагаю, мне лучше...

– Да? – сказал мистер Реес.

– Удалиться. Я хочу сказать, все это вышло как-то неловко.

– Что именно?

– Ну, понимаете, мадам... Мадам Соммита попросила меня... То есть она сказала, чтобы я принес вот это... – он с сомнением указал на папку.

– Осторожно, – сказал Бен Руби, не пытаясь подавить в своем голосе нотку покорности, – у вас сейчас опять все вывалится. Это вы написали? – спросил он скорее утвердительно.

– Да, верно. Она сказала, что я могу принести ноты.

– Когда она это сказала? – уточнил Реес.

– Вчера вечером. То есть... ночью. Около часа. Вы как раз уходили с вечеринки в итальянском посольстве. Вы вернулись за чем-то – кажется, за ее перчатками, а она была в машине. Она меня увидела.

– Шел дождь.

– И очень сильный, – гордо сказал молодой человек. – Я был там совсем один.

– Вы заговорили с ней?

– Она подозвала меня кивком. Опустила стекло в машине и спросила меня, как долго я жду, и я сказал, что три часа. Она спросила, как меня зовут и чем я занимаюсь. Я ответил. Я играю на фортепиано в маленьком оркестре и даю уроки. И печатаю на машинке. А потом я сказал ей, что у меня есть все ее пластинки, и... Она была так мила. Я хочу сказать, она была мила ко мне, там, под дождем. Я вдруг обнаружил, что рассказываю ей о том, что написал оперу – короткую, одноактную, посвященную ей, написал *для нее*. Но не потому, что я мечтал, что она когда-нибудь ее услышит, вы же понимаете. О бог мой, конечно же нет!

– И она, – предположил Бенджамин Руби, – сказала, что вы можете показать свою оперу ей.

– Да, так и было. Сегодня утром. Мне кажется, ей было жаль меня, потому что я так промок.

– И вы сделали это? – спросил мистер Реес. – Не считая того момента, когда разбросали ноты по ковру?

– Нет. Я как раз собирался, когда пришел официант с сегодняшними газетами и... она увидела ту фотографию. А потом пришли вы. Наверное, мне лучше уйти.

– Наверное, сейчас не очень подходящий момент... – начал мистер Реес, когда дверь в спальню распахнулась и в комнату вошла пожилая женщина с черными как смоль волосами. Она указала на Руперта жестом, которым обычно подзывают официанта.

– Она хочет вас, – сказала женщина. – Музыка тоже.

– Хорошо, Мария, – сказал мистер Руби и повернулся к молодому человеку. – Мария – костюмерша мадам. Вам лучше пойти с ней.

И Руперт по фамилии Бартоломео, сжимая в руках ноты своей оперы, вошел в спальню Ла Соммиты – так муха влетает в паутину, из которой уже не выберется, но он об этом еще не знал.

– Она сожрет этого мальчишку, – бесстрастно сказал мистер Руби, – за один присест.

– Уже наполовину заглотила, – согласился с ним ее покровитель.

II

– Я пять лет хотела написать портрет этой женщины, – сказала Трой Аллейн. – А теперь взгляни!

Она подтолкнула к нему письмо через стол, за которым они завтракали. Ее муж прочел письмо и вздернул бровь.

– Поразительно, – сказал он.

– Знаю. Особенно тот кусок, где речь о тебе. Как именно там написано? Я слишком разволновалась, чтобы все это отложилось у меня в голове. А кто вообще написал письмо? Оно ведь не от *нее*, заметь.

– Монтегю Реес, ни больше ни меньше.

– А почему «ни меньше»? Кто такой Монтегю Реес?

– Жаль, что он не слышит, как ты об этом спрашиваешь, – сказал Аллейн.

– Почему? – снова спросила Трой. – А, знаю! Он же ведь очень богат?

– Можно так сказать. В дурно пахнущих сферах. На самом деле он колосс вроде мистера Онассиса.

– Теперь вспомнила. Он ведь ее любовник?

– Точно.

– Теперь мне, кажется, все ясно. Прочти же, дорогой. Вслух.

– Целиком?

– Пожалуйста.

– Ну, слушай, – сказал Аллейн и начал читать.

*«Уважаемая миссис Аллейн,
надеюсь, я правильно к вам обращаюсь. Возможно, мне следовало воспользоваться
Вашим весьма знаменитым артистическим прозвищем?*

*Я хотел бы спросить, не согласитесь ли Вы и Ваш муж 1 ноября погостить у меня в
Уэйхоу Лодж – это единственный дом на острове, который я построил на озере в Новой Зелан-
дии. Строительство недавно закончилось, и я смею надеяться, что дом Вам понравится. Он
расположен в прекрасном месте, и я думаю, что моим гостям будет в нем удобно. В качестве
студии у Вас будет удобная, хорошо освещенная комната, с видом на озеро и горы вдали, и
конечно же, полная свобода в том, что касается времени и уединения».*

– Звучит как текст, написанный агентом по продаже недвижимости: все современные удобства и необходимые служебные помещения. Продолжай, пожалуйста, – сказала Трой.

«Должен признаться, что это приглашение служит прелюдией к еще одному предложению: мы приглашаем Вас написать портрет мадам Изабеллы Соммиты, которая будет гостить у нас в это время. Я долгое время надеялся на это. По моему мнению, и я позволю себе сказать, что и по ее мнению также, пока что ни один из написанных портретов не показал нам облик истинной Соммиты. Мы уверены, что «Троя» прекрасно с этим справится!

Пожалуйста, скажите, что Вы с одобрением относитесь к этому предложению. Мы организуем транспорт – в качестве моей гостьи Вы, разумеется, полетите самолетом – и обговорим все детали, как только – я очень на это надеюсь – Вы подтвердите свой приезд. Буду признателен, если Вы любезно сообщите мне свои условия.

Я напишу отдельное письмо Вашему супругу, которого мы будем рады принять вместе с Вами в Уэйхоу Лодж.

Примите уверения в моем к Вам, дорогая миссис Аллейн, искреннем уважении. Монтегю Реес».

После долгой паузы Трой сказала:

– Интересно, не будет ли чересчур, если я напишу ее поющей? Ну, знаешь, с широко открытым ртом, когда она берет верхние ноты.

– А это не будет выглядеть так, словно она зевает?

– Не думаю, – задумчиво сказала Трой, потом бросила на мужа косой насмешливый взгляд и добавила: – Я всегда могу пририсовать у рта кружок, в котором будет написано «Ля в альтовом ключе».

– Это, конечно, развеет все сомнения. Только, мне кажется, в этом ключе поют скорее мужчины.

– Ты еще не прочел адресованное тебе письмо. Читай же.

Аллейн взглянул на конверт.

– Вот оно. Все такое аристократическое, и отправлено из Сиднея.

Он открыл конверт.

– Что он пишет?

– Преамбула почти такая же, как в твоём, и дальше то же самое: он признается, что у него есть скрытый мотив.

– Он что, хочет, чтобы ты написал *его* портрет, мой бедный Рори?

– Он хочет, чтобы я высказал «свое ценное мнение» касательно того, возможно ли получить защиту со стороны полиции «в вопросе преследования мадам Соммиты со стороны фотографа, о чем я, без сомнения, осведомлен». Нет, ну и наглость! – сказал Аллейн. – Проехать тринадцать тысяч миль, чтобы сидеть на острове посреди озера и говорить ему, следует ли пригласить в компанию к гостям полицейского.

– Ах да! До меня наконец дошло. Об этом же писали в газетах, но я толком не читала.

– Ты, наверное, единственный говорящий по-английски человек, который этого не сделал.

– Ну, я вроде как читала. Но фотографии были настолько безобразны, что мне стало противно. Введи меня в курс дела – наверное, так говорят в кругах, где вращается мистер Реес?

– Помнишь, как миссис Жаклин Кеннеди преследовал фотограф?

– Помню.

– Тут та же ситуация, только гораздо масштабнее. Возможно, идея у этого парня как раз и появилась благодаря шумихе вокруг Кеннеди. Он подписывается как «Филин» и следует за Соммитой по всему миру. Где бы она ни выходила на оперную или концертную сцену –

в Милане, в Париже, в Ковент-Гарден, в Нью-Йорке или Сиднее. Сначала фотографии были обычные, на них дива любезно улыбается на камеру; но постепенно они стали меняться. Они стали все более нелестными, а фотограф – все более назойливым. Он прятался в кустах, нарушал границу частной собственности и внезапно возникал там, где его меньше всего ждали. Однажды он вместе с другими журналистами слился с толпой, ожидавшей ее у служебного входа в театр, а потом каким-то образом пробрался в самый первый ряд. Когда она появилась в дверях и как обычно изобразила восторг и удивление при виде размеров толпы, он навел на нее объектив и одновременно пронзительно засвистел. Она широко открыла рот и выпучила глаза, и на фото получилась так, как будто кто-то ударил ее между лопаток.

Это понравилось ее многочисленным поклонникам, фотографии разошлись по нескольким газетам, и говорят, что этот человек заработал на них кучу денег. С того случая все превратилось в какую-то войну на изнурение противника. Потoki возмущенных писем от ее фанатов в эти газеты. Угрозы. Злобные шутки самого низкого пошиба. Ставки и пари. Абсурдные истории о том, что это месть отставного любовника или поссорившегося с ней тенора. Слухи о том, что у нее нервный срыв. Телохранители. Всё разом.

– А что ж эти слабаки его не выследят и не прочтут?

– Он слишком ловок и постоянно маскируется – то бороду прицепит, то еще что-нибудь. Иногда надевает маску из чулка. Один раз прикинулся джентльменом из Сити, в другой – отморозком из трущоб. Говорят, что у него очень, *очень* современный фотоаппарат.

– Да, но после того, как он делает снимок, почему никто не схватит его и не отберет камеру? И как насчет ее знаменитого темперамента? Можно было бы ожидать, что она сама за него возьмется.

– Да, но пока что она только художественно вопит от возмущения.

– Что ж, – сказала Трой, – я не понимаю, чего они в таком случае ждут от тебя.

– Ждут, что я с удовольствием приму приглашение и сообщу помощнику комиссара, что отправляюсь к антиподам с моей колдуньей-женой. Ведь ты поедешь? – спросил Аллейн, положив руку ей на голову.

– Я безумно хочу попробовать ее написать: это ведь такая крупная, яркая, довольно вульгарная модель. Ее руки, – припоминая, сказала она, – выглядят просто непристойно. Белые, мягкие. Я прямо-таки вижу мазки кистью. Она такая потрясающе пышная! О да, милый мой Рори, боюсь, я должна ехать.

– Можно попробовать предложить им подождать до ее выступления в Ковент-Гарден. Нет, – добавил Аллейн, глядя на жену, – вижу, это не годится, ты не хочешь ждать. Ты должна лететь в эту удобную студию и между сеансами позирования Соммиты рисовать красивые про- блески заснеженных гор, отражающиеся в прозрачных водах озера. Ты можешь подготовить картины для целой персональной выставки, пока будешь там.

– Да ладно тебе, – сказала Трой, взяв его за руку.

– Думаю, тебе стоит написать довольно официальный ответ и перечислить свои условия, как он тактично предлагает. Полагаю, я откажусь в отдельном письме.

– Было бы здорово вместе пожить какое-то время в роскоши.

– В тех случаях, когда твое искусство совпадало по времени с моей работой, не все шло как по маслу, ведь так, любимая?

– Не все, – согласилась она, – вроде бы. Рори, ты не против, если я поеду?

– Я всегда против, но стараюсь в этом не признаваться. Должен сказать, что мне не особо нравится компания, с которой тебе предстоит общаться.

– Правда? Оперная звезда с припадками гнева между сеансами позирования? Думаешь, так все и будет?

– Полагаю, тебя ждет что-то в этом роде.

– Я не позволю ей смотреть на картину, пока не закончу, а если она устроит скандал, то ее другу незачем покупать полотно. Я не стану делать только одного, – спокойно сказала Трой. – Я не стану угождать ей и соглашаться на какие-то дурацкие переделки. Если она окажется человеком такого сорта.

– Мне кажется, что она вполне может оказаться такой. Как и он.

– То есть он считает, что если уж он вступает в игру, то должен получить что-то в обмен на свои деньги? Кто он – англичанин? Новозеландец? Американец? Австралиец?

– Понятия не имею. Но мне не очень хочется, чтобы ты была его гостьей, милая, это факт.

– Вряд ли я могу предложить ему самостоятельно оплатить дорогу. Может быть, – предложила Трой, – мне следует снизить цену на работу, учитывая предоставляемый кров и стол?

– Отлично.

– Если там соберутся любители покурить травку, или еще что похуже, я всегда могу сбежать в свою прекрасную комнату и запереться на все засовы.

– А с чего это в твоей хорошенькой головке возникла идея о марихуане?

– Не знаю. А ты, случайно, не предполагаешь, что оперная дива принимает наркотики?

– Ходят смутные слухи. Возможно, ошибочные.

– Вряд ли бы он стал приглашать тебя, если бы она была наркоманкой.

– О, – беспечно сказал Аллейн, – их бесстыдство не знает границ. Я напишу вежливый ответ с сожалениями и пойду на работу.

Зазвонил телефон, и он ответил на звонок тем неопределенным тоном, которым, как знала Трой, говорил с представителями Скотленд-Ярда.

– Я буду через четверть часа, сэр, – сказал Аллейн и повесил трубку. – Помощник комиссара, – объяснил он. – Что-то задумал. Я всегда это знаю, когда он начинает разговаривать со мной будничным тоном.

– А что именно, как думаешь?

– Кто знает. Судя по всему, что-то неаппетитное. Он сказал, что это не особо срочно, но я к нему зайду, потому что говорил он как-то тревожно. Мне пора. – Он направился к двери, взглянул на жену, потом вернулся и взял ее лицо в ладони. – Хорошенькая головка, – повторил он и поцеловал ее в макушку.

Через пятнадцать минут помощник комиссара принял его в свойственной ему манере, к которой Аллейн уже привык: словно он был каким-то сомнительным экземпляром, который требуется внимательно разглядеть при плохом освещении. Причуд у помощника комиссара было так же много, как и ума – и это еще мягко сказано.

– Привет, Рори, – сказал он. – Доброе утро. Трой в порядке? Хорошо. – (Аллейн не успел ответить.) – Садись, садись. Да.

Аллейн сел.

– Вы хотели меня видеть, сэр?

– Ну, вообще ничего такого особенного. Читал утренние газеты?

– «Таймс».

– А пятничный «Меркьюри»?

– Нет.

– Просто интересно. Вся эта чушь с газетным фотографом и итальянской певицей, как там ее?

После короткой паузы Аллейн сказал деревянным голосом:

– Изабелла Соммита.

– Да, она самая, – согласился помощник комиссара, любивший притворяться, будто не запоминает имен. – Забыл. Этот парень снова принялся за свое.

– Он очень настойчив.

– В Австралии. В Сиднее, кажется. Оперный театр там, так ведь?

– Да, есть там такой.

– На ступеньках во время какого-то торжества. Вот, взгляни.

Он подтолкнул к инспектору газету, сложенную так, чтобы была видна фотография. Она и в самом деле была сделана неделю назад, летним вечером на ступеньках Сиднейского оперного театра. Соммита, одетая в платье из казавшейся золотистой ткани, стояла среди самых высокопоставленных лиц. Она явно не была готова к снимку. Фотограф щелкнул затвором раньше времени. Ее рот снова был широко открыт, но в этот раз казалось, будто она орет на генерал-губернатора Австралии или нелепо визжит от смеха. Актеры театра считают, что тех, кому больше двадцати пяти лет, нельзя фотографировать снизу. Судя по этому снимку, фотограф явно находился на половину лестничного пролета ниже дивы, и на фотографии она получилась с большим количеством дополнительных подбородков и весьма *embonpoint*¹. Генерал-губернатор, по мимолетной случайности, вышел на снимке глядящим на нее с недоверием и глубоким отвращением.

Аршинный заголовок гласил: «ДА КТО ТЫ ТАКОЙ?!»

Фотограф, как обычно, подписался «Филином»; фото по договоренности скопировали из какой-то сиднейской газеты.

– Полагаю, – сказал Аллейн, – это станет последней каплей.

– Похоже на то. Взгляни вот на это.

Это было письмо, адресованное «Главе Скотленд-Ярда, Лондон», и написанное за неделю до полученных Аллейнами приглашений на плотной бумаге, снабженной витиеватой монограммой I. S., которую щедро переплетали стебли и листья. Конверт был больше, чем те, что получили Аллейны, но из той же бумаги. Письмо занимало две с половиной страницы и оканчивалось гигантской подписью. Аллейн заметил, что напечатано оно на другой машинке. Адрес – шато «Австралазия», Сидней.

– Комиссар переслал его сюда, – сказал помощник комиссара. – Вам стоит его прочесть.

Аллейн так и поступил. Напечатанная на машинке часть письма просто сообщала получателю, что автор надеется встретиться с одним из его сотрудников, мистером Аллейном, в Уэйхоу Лодж, Новая Зеландия, где миссис Аллейн будет писать заказанный ей автором портрет. Автор указал предложенные даты. Получатель, без сомнения, в курсе возмутительного преследования... – далее шли уже знакомые ему строки. Целью ее письма, говорилось в заключительной части, стала надежда на то, что на мистера Аллейна будут возложены все полномочия на то, чтобы расследовать это возмутительное дело, и засим она остается...

– Боже правый, – тихо пробормотал Аллейн.

– Там еще есть постскриптум, – заметил помощник комиссара.

Постскриптум был написан от руки и выглядел вполне ожидаемо: с огромным количеством восклицательных знаков и двойными и тройными подчеркиваниями, по сравнению с которыми письма королевы Виктории показались бы образцом холодной сдержанности. Автор письма постепенно уклонялась от темы и переходила на бессвязный текст, но общий смысл был таков: если «Глава Скотленд-Ярда» вскоре не предпримет каких-либо действий, то он один будет виноват в том, что карьера автора письма окончится катастрофой. Далее она в беспамятстве молила на коленях, а затем огромными буквами оставалась «искренне Вашей Изабеллой Соммита».

– Излагайте, – пригласил помощник комиссара, склонив голову набок. Он вел себя необычно. – Комментируйте. Объясните своими словами.

– Могу лишь предположить, что письмо напечатал секретарь, который посоветовал проявить сдержанность. Постскриптум, похоже, полностью писала она, в состоянии иступления.

¹ Дородный (*фр.*).

– Трой действительно собирается писать портрет этой дамы? А вы намерены отправиться в самовольную отлучку?

Аллейн сказал:

– Мы получили приглашения сегодня утром. Я собирался отказаться, когда позвонили вы, сэр. Трой принимает приглашение.

– В самом деле? – задумчиво протянул помощник комиссара. – Правда? Хорошая модель, да? Для художника. Что скажете?

– Весьма, – осторожно ответил Аллейн. Интересно, к чему это он ведет?

– Да. Ну что ж, – сказал шеф посвежевшим голосом, в котором прозвучал намек на то, что сейчас он его отпустит. Аллейн начал вставать со стула. – Погодите. Знаете что-нибудь об этом мужчине, с которым она живет? Реес, так?

– Не больше того, что известно всем.

– Какое странное совпадение...

– Совпадение?

– Да. Эти приглашения. То, что Трой туда едет, и все прочее. – Он побарабанил пальцами по бумагам на столе. – Все сошлось, так сказать.

– Вряд ли это совпадение, сэр, вам не кажется? Я думаю, все эти странные письма были написаны с одной целью.

– Да я не их имею в виду, – презрительно сказал помощник комиссара. – Только в том смысле, что они появились одновременно с другими вещами.

– Какими другими вещами? – спросил Аллейн, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучала усталость.

– Разве я вам не сказал? Как глупо. Да. На международной арене торговли наркотиками сейчас происходит нечто тревожное, особенно в США. Интерпол ухватил какую-то ниточку и передал дело французам, которые поговорили с ФБР, а те много общались с нашими. Есть предположение, что эта дива, возможно, всего лишь большая-большая девочка, играющая самую незначительную роль. Все это прозвучало для меня очень туманно, но наш Большой Белый Вождь слегка разволновался. – Так шеф обычно называл комиссара полиции. – Он беседовал со спецподразделением. И с МИБ, кстати, тоже.

– А они тут при чем?

– Как-то участвуют по ходу дела. Полагаю, скрытно, как всегда. Но они все же сообщили, что была утечка от анонимного источника следующего содержания: считается, что Соммита занималась этим в прошлом.

– А Реес?

– Чист как стеклышко, насколько мне известно.

– Монтегю Реес, – задумчиво произнес Аллейн. – Кажется неправдоподобным. Как будто читаешь «Трильби»². Каракулевый воротник на пальто и блестящая борода. Что-нибудь известно о его происхождении, сэр?

– Считается, что он американец родом с Сицилии.

Во время последовавшей за этим паузы помощник комиссара неуверенно напевал себе под нос хабанеру из «Кармен».

– Вы когда-нибудь слышали, как она ее исполняет? – спросил он. – Просто поразительно. У нее есть диапазон – сопрано, меццо-сопрано, и что там еще, есть внешность, в ней есть секс. Пронзает тебя, словно поросенка на вертеле, и при этом запросто заставляет получать от этого удовольствие. – Он бросил на Аллейна один из своих сбивающих с толку взглядов. – У Трой будет хлопот полон рот, а?

² Фантастический роман Джорджа Дюморье, вышедший в 1894 году. – Здесь и далее примеч. переводчика.

– Да, – согласился Аллейн, и, испытывая дурное предчувствие по поводу того, что его ожидает, добавил: – Мне не очень хочется, чтобы она туда ехала.

– Понятно. Собираешься занять твердую позицию, да, Рори?

– В том, что касается Трой, во мне нет твердости.

– Скажи это ребятам из отдела по борьбе с мошенничеством, – сказал шеф и тихонько заржал.

– Только не в том, что касается ее работы. Это необходимость. Для нас обоих.

– Тогда не буду тебя задерживать, – шеф без предупреждения перешел на деловой тон. – Мне просто кажется, что при нынешних обстоятельствах ты все же мог бы поехать. И кстати, ты ведь знаешь Новую Зеландию, так? Да? – Аллейн не ответил, и он продолжил: – Вот что я имел в виду, говоря о совпадении. Приглашения и все прочее. Все просто само идет нам в руки. Нас просят провести небольшое и очень незаметное наблюдение за этим объектом, а тут дружок этого объекта приглашает вас в гости, и вот такие складываются дела, так сказать. Случайно получается так, что ты будешь приглядывать за Трой и ее сварливой моделью. Что скажете?

– Правильно ли я понимаю, сэр, что это приказ?

– Должен сказать, – увильнул от прямого ответа помощник комиссара, – я думал, что ты обрадуешься.

– Полагаю, мне следовало бы радоваться.

– Очень хорошо! – раздраженно воскликнул шеф. – Так какого черта ты не рад?

– Сэр, вы говорили о совпадениях. Так вышло, что из-за абсурдного стечения обстоятельств Трой в большей или меньшей степени оказалась вовлеченной в четыре моих дела. И...

– И судя по всему, вела себя во всех случаях просто великолепно. Так вот в чем дело, да? Ты не хочешь, чтобы она в этом участвовала?

– В общем и целом нет, не хочу.

– Но дорогой мой, ты ведь едешь туда не для того, чтобы заниматься расследованием. Ты будешь вести наблюдение. Не исключено, что там и наблюдать не за чем. Кроме, разумеется, твоей красавицы жены. Ты не будешь ловить убийцу. Вообще никого не будешь ловить. Что?

– Я ничего не говорил.

– Ладно. Это приказ. Позвони жене и сообщи ей об этом. Доброго вам утра.

III

В Мельбурне все было хорошо. Успех в Сиднее был фантастическим – в артистическом, финансовом и – по крайней мере, для Изабеллы Соммиты – личном плане. Пресса восторженно писала: «Ничего подобного еще не было на нашей памяти». Один журналист отпустил тяжеловесную шутку, написав, что, если бы машины двигались за счет реальных, а не статистических лошадиных сил, то лошадей, несомненно, использовали бы для того, чтобы триумфально провезти диву по городу или пронести ее на руках через бурлящую ликованием толпу.

Оскорбительных фотографий больше не было.

Юный Руперт Бартоломью неожиданно оказался в среде, которую он не понимал, но и не критиковал и в которой с трудом барахтался, пребывая в трудном состоянии блаженства и замешательства. Изабелла Соммита заставила его сыграть свою одноактную оперу. Она слушала ее одобрительно, и это одобрение лишь выросло, когда она поняла: роль сопрано столь объемна, что все остальные актеры выступают в этой опере лишь в качестве отделки. Опера была о Руфи и называлась «Чужестранка». («Очень подходяще», – пробормотал Бен Руби, обращаясь к Монти Реесу, но так, чтобы Соммита не слышала.) Бывали минуты, когда розовые облака, в которых парил Руперт, редели, по спине у него пробежал ледяной холодок, и он задавался вопросом, хороша ли вообще его опера. Он говорил себе, что сомневаться в этом –

значит, сомневаться в величайшем сопрано эпохи, и розовые облака снова приобретали прежнюю форму. Но тень беспокойства никогда его до конца не покидала.

Мистер Реес был немзыкален. Мистер Руби наоборот, хоть и не имел музыкального образования. Оба они согласились с тем, что следует проконсультироваться с экспертом; уровень все растущей решимости Соммиты поставить эту оперу на сцене был столь высок, что они подошли к этому как к делу крайней важности. Мистер Руби, притворившись, что хочет изучить произведение, взял ноты у Соммиты. Он обратился к профессионалу из среды австралийских музыкальных критиков и упросил его по старой дружбе высказать свое сугубо личное мнение об опере. Профессионал согласился и сказал, что опера никуда не годится.

– Сильно разбавленный Менотти³, – сказал он. – Не давай ей даже прикасаться к этому.

– Ты можешь сам ей это сказать? – умоляюще спросил мистер Руби.

– Ни за что! – воскликнул великий профессионал и добавил, словно ему это только что пришло в голову: – Она что, влюбилась в композитора?

– Старина, – с чувством вздохнул мистер Руби, – ты попал в самую точку.

Это было правдой. В свойственной ей несколько свирепой манере, Соммита влюбилась. Байроновская внешность Руперта, его трогательный взгляд и чистое, беспримесное обожание, с которым он к ней относился, сложились воедино и сумели добиться цели. На этой стадии у Соммиты случился грандиозный скандал с ее австралийским секретарем, который ей воспротивился, а когда она его уволила, сказал, что он и сам собирался уходить. Тогда она спросила Руперта, умеет ли он печатать на машинке, и, услышав утвердительный ответ, тут же предложила ему эту работу. Он принял предложение, отменил все запланированные встречи, и его поселили в тот же астрономически дорогой отель, в котором остановилась его работодательница. Он имел дело не только с ее корреспонденцией. Его сделали одним из ее сопровождающих в театр; ему было позволено присутствовать, когда она занималась вокальными упражнениями. Он ужинал с ней после спектакля и задерживался дольше остальных гостей. Он был в раю.

Однажды вечером, после того как была выполнена вся эта рутина и мистер Реес ушел спать пораньше из-за приступа несварения, Соммита попросила Руперта подождать, пока она переоденется в более удобную одежду. Этой одеждой оказалось рубиновое шелковое negligé, которое, возможно, было удобным для той, на ком было надето, но зрителя заставило задрожать от мучительного волнения.

У него не было никаких шансов. Она едва приступила к прелюдии в свойственной ей пугающей манере, как уже оказалась в его объятиях – точнее, это она его обнимала.

Час спустя Руперт Бартоломью плыл по длинному коридору в свой номер, и ему безумно хотелось петь во весь голос.

– Первая! – ликовал он. – Моя самая первая! И подумать только – Изабелла Соммита!

Он, бедняжка, был рад-радешенек.

IV

Насколько было известно ближайшим компаньонам мистера Рееса, его не особо беспокоили шашни его любовницы. Казалось, он не придавал им никакого значения, но утверждать это наверняка было невозможно, поскольку он был на удивление неразговорчив. Много времени – а точнее, большую его часть – он проводил в обществе секретаря, управляя, как многие предполагали, рынком ценных бумаг и отвечая на междугородние звонки. К Руперту Бартоломью он относился совершенно так же, как и к остальным поклонникам Соммиты: настолько нейтрально, что это едва ли вообще можно было назвать отношением. Время от времени при

³ Джанкарло Менотти (1911–2007) – американский композитор итальянского происхождения, автор опер.

мысли о мистере Реесе Руперта беспокоили внезапные приступы неприятных размышлений, но он был слишком глубоко охвачен невероятным восторгом, чтобы слишком уж тревожиться.

Именно в этой сложившейся ситуации мистер Реес полетел в Новую Зеландию, чтобы осмотреть свой новый, только что построенный дом на острове.

Вернувшись через три дня в Мельбурн, он обнаружил письма от четы Аллейнов, принявших его приглашение, и Соммиту, пребывавшую в состоянии крайнего волнения.

– Дорого-о-ой, – сказала она, – ты мне все покажешь. У тебя ведь есть фотографии дома? Мне понравится? Потому что должна сказать тебе, что у меня большие планы. Ах, какие планы! – воскликнула Соммита, таинственно жестикулируя. – Ты ни за что не догадаешься.

– И что же это за планы? – спросил Реес обычным ровным голосом.

– Ах, нет, – поддразнила его она, – тебе придется потерпеть. Сначала фотографии, и Руперт тоже должен их увидеть. Скорее, скорее, снимки!

Она открыла дверь спальни, выходящую в гостиную, и пропела двумя великолепными нотами:

– Руперт!

Руперт сражался с письмами от ее поклонников. Войдя, он увидел, что мистер Реес разложил на кровати несколько гляцевых цветных фотографий дома на острове.

Соммита была очарована. Она восклицала, мурлыкала, ликовала. Несколько раз даже начинала смеяться. Пришел Бен Руби, и фотографии снова разложили для просмотра. Она обнимала всех троих по отдельности и более или менее всех разом.

А затем, внезапно перейдя к практической стороне дела, Соммита сказала:

– Музыкальный салон. Дайте-ка взглянуть на него еще раз. Да. Какого он размера?

– Насколько я помню, – ответил мистер Реес, – шестьдесят футов в длину и сорок в ширину.

Мистер Руби присвистнул.

– Ничего себе размер, – заметил он. – Больше похоже на мини-театр, чем на комнату в доме. Ты собираешься давать концерты, дорогуша?

– Лучше! – вскричала она. – Разве я не говорила тебе, Монти, дорого-о-й, что у нас есть планы? Ах, мы составили такой план, Руперт и я! Верно, *caro*?⁴ Да?

– Да, – сказал Руперт, бросив неуверенный взгляд на мистера Рееса. – То есть... чудесные.

Лицо у мистера Рееса было на редкость бесстрастным, но Руперту показалось, что по нему пробежала тень покорности. Лицо же мистера Руби выражало глубочайшее опасение.

Соммита величественным жестом обхватила правой рукой плечи Руперта.

– Это милое дитя, – сказала она так, словно была его матерью, – этот обожаемый друг, – вряд ли она могла выразиться еще откровеннее, – он гений. Это говорю вам я – я, которая знает. *Гений*. – Все молчали, и Соммита продолжила: – Я живу с этой оперой. Я изучила эту оперу. Я изучила главную партию. Руфь. Все арии, соло, дуэты – их два – и ансамбли. Все, абсолютно все они несут на себе клеймо гения. Я использую слово «клеймо», – поправились она, – не в смысле мученичества. Наверное, лучше сказать «они несут знамя гения». *Гений!* – закричала она.

Глядя в эту минуту на Руперта, можно было подумать, что слово «мученичество» все же подходит больше. Его лицо побагровело, и он нервно ерзал в ее объятиях. Она не слишком нежно встряхнула его.

– Умница, *умница!* – воскликнула Соммита и громко его поцеловала.

– Так мы услышим твой план? – спросил мистер Реес.

⁴ Дорогой, милый (*ит.*).

Поскольку на часах было семь вечера, она погнала их в гостиную и велела Руперту приготовить коктейли. Он с радостью скрылся в недрах прохладного шкафа, где хранились напитки, лед и бокалы. Остальные обменялись несколькими отрывочными и едва слышными репликами. Мистер Руби пару раз прокашлялся. Неожиданно, так что Руперт пролил предназначенный для мистера Рееса виски с содовой, раздались звуки стоявшего в гостиной фортепиано: зазвучало вступление к тому, что, как он надеялся, станет грандиозной арией его оперы, и великолепный голос душераздирающим пианиссимо⁵ запел: «Одна, одна среди чужих».

Именно в этот момент, без всякого предупреждения, Руперта с катастрофической уверенностью посетило озарение: он ошибся в своей опере. Даже самый прекрасный на свете голос не мог сделать из нее больше того, чем она была – она навсегда останется третьесортным произведением.

Бесполезно, подумал он. Опера до нелепости банальна. А потом пришла следующая мысль: она неспособна здраво ее оценить. Она немзыкальна.

Он был уничтожен.

⁵ Ит. *pianissimo* – «очень тихо».

Глава 2. Дом на острове

Прекрасным ранним весенним утром чету Аллейн встретил в новозеландском аэропорту предсказуемо роскошный автомобиль и повез их по дорогам, которые словно по линейке расчерчивали равнины до самого горизонта. Где-то по левую руку был невидимый глазу Тихий океан, а прямо перед ними начинались предгорья. Это были внешние бастионы Южных Альп.

– Нам повезло, – сказал Аллейн. – В пасмурный день гор не видно, и равнины выглядят убийственно. Ты хотела бы их написать?

– Не думаю, – ответила Трой после некоторого раздумья. – Все это выглядит каким-то жестоким. Пришлось бы искать определенный стиль. У меня такое чувство, что люди лишь передвигаются по поверхности. Они не развивались вместе с этим пейзажем. Они не включены в его анатомию. Какая дерзость! – воскликнула она. – Я едва приехала в страну, а уже делаю обобщения.

Водитель, которого звали Берт, оказался дружелюбным и очень старался впечатлить своих пассажиров. Он указал им на горы, на которых устроили свои фермы и пастбища для овец первые землевладельцы.

– А то место, куда мы едем, Уэйхоу Лодж – там разводят овец? – спросила Трой.

– Нет, что вы. Мы едем в Уэстленд, миссис Аллейн. Это Уэст-Кост. Там сплошные лесозаготовки и шахты. Уэйхоу – довольно большое озеро. А дом! Знаете, во сколько он, по слухам, ему обошелся? В полмиллиона. Или даже больше, как говорят. Такого больше нигде в Новой Зеландии нет. Вы удивитесь.

– Мы о нем слышаны, – кивнул Аллейн.

– Да? Все равно вы удивитесь. – Он повернул голову к Трой. – А вы художница? Мистер Реес подумал, что вы захотите сделать фото на вершине перевала. Мы там пообедаем.

– Вряд ли, – сказала Трой.

– Вы будете писать портрет знаменитой леди, верно?

Тон у него был сардонический. Трой ответила утвердительно.

– Не хотел бы оказаться на вашем месте, – вздохнул водитель.

– А вы рисуете?

– Я? Конечно, нет. Мне бы не хватило терпения.

– Для этого требуется не только терпение, – мягко сказал Аллейн.

– Да? Может, и так, – согласился водитель. Последовала долгая пауза. – Значит, ей придется сидеть неподвижно?

– Более или менее.

– Думаю, получится скорее «менее», чем «более». Говорят, она прямо-таки знаменитость.

– Всемирно известная.

– Так говорят. Да-а, – сказал водитель с задумчивой усмешкой, – что ж, пусть говорят. Ну и темпераментная она! Можно ее и так назвать. – Он присвистнул. – Не одно, так другое. Вот с собакой, например. У нее была одна из этих новомодных собак, белая борзая с длинной шерстью. Босс ей подарил. В общем, собака заболела, они пригласили ветеринара, тот сказал, что она безнадежна и что ее надо усыпить, чтоб не мучилась. Из-за этого заболевает *она*. Кричит, стонет, просто нечто. В конце концов босс велит с этим покончить, мы с ветеринаром отнесли ее под навес, он дал ей хлороформ и потом сделал укол, и мы закопали ее. Черт! Когда ей сказали об этом, она вела себя так, как будто мы убийцы. – Он цыкнул зубом при воспоминании об этом.

– Мария, – продолжил он вскоре, – это ее личная помощница, или горничная, или как там это называется, говорила, что в Австралии случился какой-то скандал с газетчиками. Но вы-то все об этом знаете, мистер Аллейн. Мария считает, что вы взялись за это дело. Это так?

– Боюсь, что нет, – сказал Аллейн.

Трой как следует пихнула его локтем.

– Ну, она так думает. Вы же детектив. Мария ведь иностранка. Итальянка. С ними надо держать ухо востро. Они вечно волнуются.

– А вы живете там? В доме?

– Верно. Пока что. Когда они уедут, на острове останется только смотритель со своей семьей. Монти Реес построил гараж и лодочный навес на берегу озера, на его катере вы доберетесь до дома. У него, между прочим, даже свой вертолет есть. Никаких проблем – вызывает его, когда нужно.

Разговор прервался. Трой стало интересно, называет ли водитель своего работодателя «Монти Реес» в лицо, и она решила, что это вполне возможно.

Дорога через равнины неуловимо поднималась все выше на протяжении сорока миль, и, если оглянуться назад, становилось понятно, на какой высоте они находятся. Вскоре они уже глядели вниз на русло широкой реки, в которой переплетались бирюзовые и белые струи воды.

К полудню они добрались до вершины и пообедали припасами из корзины, запив их вином из сумки-холодильника. Их сопровождающийпил крепкий чай из термоса.

– Я же за рулем, – пояснил он, – а впереди еще серпантин. – И принялся развлекать Аллейнов историями о несчастных случаях в ущелье.

Воздух на вершине был чудесный: свежий, с ароматом кустов мануки, тут и там торчащих из теплой, поросшей травой земли. Теперь они были ближе к вечным снегам.

– Пора нам ехать, – сказал Берт. – Увидите, как сильно все изменится, когда проедем перевал. Оно вроде как неожиданно бывает.

На вершине стоял выдавший виды указатель с надписью: «Перевал Корнишмен. 1000 метров».

На коротком отрезке дорога шла прямо, а потом нырнула в совершенно другой мир. Как и сказал водитель, это было неожиданно. Настолько неожиданно, ново и резко, что еще долгое время спустя у Трой было такое чувство, будто существовала некая согласованность между этим моментом и последовавшими затем событиями – словно, преодолев перевал, они попали в край, который подготовился и ждал их.

Это был мир очень темного тропического леса, бархатом покрывавшего изгибы скрытой под ним земли. Тут и там поблескивали водопады. Над лесом возвышались сверкавшие на солнце снежные пики, но солнце не достигало земли в самом низу, где тонкой нитью по ущелью грохотала река.

– Ее отсюда слышно, – сказал Берт, остановив машину.

Но сначала они слышали лишь пение птиц – ровные, повторяющиеся, несравненно дикие звуки. Через минуту Трой сказала, что она, кажется, слышит реку. Водитель предложил им подойти к краю дороги и посмотреть вниз. У Трой страшно кружилась голова от высоты, но она пошла, уцепившись за руку Аллейна.словно с театральной галерки, она взглянула вниз, на верхушки деревьев, и увидела реку.

Берт, продолжавший снабжать их полезной информацией, рассказал, что можно различить крышу машины, которая шесть лет назад улетела вниз с того места, где они стоят.

– Вот как, – заметил Аллейн, обнял жену за плечи и отвел ее к машине.

Они двинулись вниз по серпантину.

Повороты этого чудовищного спуска были настолько крутыми, что казалось, будто движущиеся в одном направлении машины приближаются друг к другу и едут на разных уровнях. Они поравнялись с одной машиной и потихоньку ползли позади нее. Навстречу им из ущелья

поднималась другая машина. Ее шофер съехал на самый край, и вторая машина протиснулась по внутренней стороне дороги в полудюйме от них. Водители кивнули друг другу.

Аллейн по-прежнему обнимал Трой за плечи.

– Первое место за отвагу, миссис А., – прошептал он ей на ухо. – Ты великолепно держишься.

– А чего ты от меня ожидал? Что я стану выть, словно банши?⁶

Вскоре дорога стала прямее, и Берг переключился на самую высокую скорость. Они добрались до подножья ущелья и поехали вдоль реки, ревущей так громко, что они едва могли слышать друг друга. Внизу было холодно.

– Вот вы и в Уэстленде, – прокричал водитель.

Уже совсем ввечеру, после двухчасовой поездки через мокрый, пахнущий перегноем лес, который новозеландцы называют «буш», они выехали на более открытую местность и остановились у крошечной железнодорожной станции под названием Каи-каи. Здесь они забрали пакет с частной почтой для обитателей Уэйхоу Лодж и еще двадцать миль ехали параллельно железной дороге, а затем обогнули холм, за которым лежало огромное зеркало воды – озеро Уэйхоу.

– Ну вот, – объявил Берг. – Вот вам и озеро. И остров.

– Подкрепите меня вином!⁷ – воскликнул Аллейн и потер виски.

Вид открывался ошеломляющий. В этот час поверхность озера была совершенно гладкой, и в ней отражался ослепительно пылавший закат. В озеро вдавались удлинённые островки суши со стройными деревьями, отражавшимися в воде. В рамке этих деревьев, вдали, виднелся остров, а на нем – дом мистера Рееса.

Дом был спроектирован знаменитым архитектором в современном стиле, но он был построен и расположен так удачно, что казался органично вписанным в окружающий его первобытный пейзаж. Покрытое травой пространство перед домом окружали величественные деревья с темной листвой. На берегу располагалась пристань, у которой стоял катер. На фоне пылающего заката нелепо, словно назойливое насекомое, висел в воздухе вертолет. Когда они подняли на него глаза, он исчез за домом.

– Я во все это не верю, – сказала Трой. – Это чей-то сон. Это не может быть правдой.

– Вы считаете? – спросил водитель.

– Считаю, – ответила Трой.

Они свернули на дорогу, которая шла между кустов и древовидных папоротников к берегу озера, где находился гараж, пристань, лодочный навес и колокол на миниатюрной колокольне. Они вышли из машины в вечерние запахи мокрой земли, папоротника, мха и холодной озерной воды.

Берг ударил в колокол, и через озеро полетела одна-единственная нота. Потом он заметил, что их уже увидели с острова и наверняка катер за ними уже отправили. Вечер был такой тихий, что слышался рокот мотора.

– Над водой звуки далеко слышно, – пояснил Берг.

Закат достиг высшей точки. Все видимые объекты вблизи и вдали стали резко очерченными и позолоченными. Лица у всех троих покраснели. Окна далекого дома запылали огнем. Через десять минут все поблекло, и пейзаж стал холодным. Трой и Аллейн немного прошли по берегу; Трой смотрела на дом и думала о находившихся в нем людях. Почувствует ли Изабелла Соммита, что здесь самое подходящее место для демонстрации ее великолепия, и как

⁶ Персонаж шотландского и ирландского фольклора: привидение-плакальщица, чьи завывания под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть.

⁷ Библия, Песнь Песней 2:5.

она будет выглядеть в «удобной студии» с высокими окнами, сама такая яркая, на фоне заката, подобного тому, что только что догорел?

– Это самое настоящее приключение, – пробормотала Трой.

– Знаешь, – сказал Аллейн, – немного абсурдно, но все это напоминает мне один из викторианских романов Джорджа Макдональда, где персонажи находят зеркало и выходят из этого мира в иной, где живут странные создания и происходят необъяснимые события.

– Может бы, – задумалась Трой, – вход в этот великолепный дом окажется нашей парадной дверью, и мы вернемся в Лондон.

Они заговорили о доме и о том, как сбалансированно возвышаются над пейзажем его башни. Вскоре к пристани подплыл катер, оставляя за кормой расходящийся след на гладкой как шелк воде. Это было большое, дорогое судно. Рулевой вышел из рубки и бросил водителю причальный канат.

– Знакомьтесь, Лес Смит, – сказал Берг.

– Здорово, – поздоровался рулевой. – Как дела, Берг? Хорошо доехали?

– Без проблем, Лес.

– Ну и чудненько.

Аллейн помог им уложить багаж. Трой помогли перебраться на катер, и они поплыли обратно.

Трой и Аллейн устроились на корме.

– Ну вот, – сказал Аллейн. – Тебе нравится?

– Начало прекрасное. Здесь душераздирающе красиво.

– Будем надеяться на удачу, – весело сказал он.

II

Возможно, из-за того, что их первый день оказался таким длинным и трудным после перелета из Англии, первый вечер в доме прошел для Трой как во сне.

Их встретили секретарь мистера Рееса и еще один мужчина, смуглый, разодетый словно стюард на корабле, который нес их багаж. Они проводили Аллейнов в их комнату, чтобы те могли «освежиться». Секретарь, молодой и многословный мужчина с волосами соломенного цвета, пояснил, что мистер Реес говорит по телефону, но встретит их, когда они спустятся; и что остальные передеваются к ужину, но им можно не беспокоиться, так как остальные «вполне их поймут». Ужин будет через четверть часа. В комнате есть поднос с напитками, и он предлагает гостям ими воспользоваться; и он знает, что они сущие ангелы и простят его, но мистеру Реесу требуются его услуги. Затем он, словно спохватившись, рассыпался в приветствиях, сверкнул улыбкой и удалился. Трой посетила смутная мысль о том, что он невыносим.

– Не знаю как ты, – сказала она, – но я отказываюсь быть «вполне понятой» и собираюсь переодеться. Мне нужно как следует умыться и сменить одежду. И выпить, кстати.

Она открыла свой чемодан, порылась в нем и выудила комбинезон, который, к счастью, был сшит из немнущегося материала. Затем она пошла в ванную, оборудованную словно дворец для короля водопроводчиков. Аллейн переделся молниеносно – в этом он был специалистом – и смешал два коктейля. Они сели рядышком на огромной кровати и осмотрелись.

– Все это сделал какой-нибудь американский супер-дизайнер интерьеров, тебе не кажется? – сказала Трой, отхлебнув коктейль из бренди с сухим мартини.

– Ты считаешь? – спросил Аллейн, передразнивая шофера Берта.

– Считаю, – сказала Трой. – Через ковер нужно пробираться, просто так по нему не пройдешь.

– Это не ковер. Это примерно двести овечьих шкур, сшитых вместе. Местный колорит.

– Мы, конечно, можем сколько угодно хихикать, но давай признаем: все это действительно производит потрясающее впечатление. Но все какое-то нечеловеческое. Вот если бы где-нибудь нашлось что-то потрепанное или неподходящее.

– Мы, – засмеялся Аллейн. – Мы подходим под оба эти определения. Допивай, нам лучше не опаздывать.

Спускаясь на первый этаж, они смогли в полной мере оценить холл с гигантским пылающим камином, с развешанным по стенам смертельным оружием всех видов, с ткаными гардинами в стиле маори и большой полуабстрактной деревянной скульптурой, изображавшей обнаженную беременную женщину с самодовольной усмешкой на лице. Из-за одной из дверей доносились звуки беседы. Один настойчивый мужской голос звучал громче остальных. Последовал взрыв общего смеха.

– Боже правый, – прошептал Аллейн, – да тут собралась целая компания гостей.

В холле стоял смуглый мужчина, относивший в их комнату багаж.

– Прошу в гостиную, сэр, – без всякой необходимости сказал он и распахнул дверь.

В дальнем конце длинной комнаты стояла группа из десятка человек, преимущественно мужчин. В центре всеобщего внимания находился персонаж с величавой седой бородой, стриженными ежиком волосами, в бархатном пиджаке с мягким галстуком, в монокле и с цветком в петлице. Он вел себя как опытный *raconteur*⁸, который, сказав *mot*⁹, старается сохранить бесстрастное лицо. Его слушатели едва пришли в себя после приступа веселья. Секретарь с соломенными волосами, державший в руке бокал, даже похлопал пальцами левой руки по запястью правой, изображая аплодисменты. В этот момент он как раз повернулся, увидел Аллейнов и склонился к кому-то, сидевшему на диване, повернутом спинкой к двери.

– Ах да, – сказал голос, и мистер Реес встал и подошел, чтобы поприветствовать своих гостей.

Он был небольшого роста, смуглый, и с небольшим количеством того, что иногда называют «жирком про запас». Глаза у него были большие, лицо закрытое – из тех, которые легко забываются, так как ничего не выражают.

Он пожал чете Аллейнов руки и сказал, как рад принять их в своем доме; обращаясь к Трой, он добавил, что для него честь и привилегия оказать ей гостеприимство. В его речи проскальзывал небольшой американский акцент, но в целом голос, как и сам его обладатель, казался нейтральным. Он официально представил Аллейнов остальным. Рассказчика звали синьор Беппо Латтвенцо; он поцеловал Трой руку. Полный джентльмен, который был похож на оперного тенора, им и оказался – это был знаменитый Родольфо Романо. Мистер Бен Руби пошутил: все они знают, что у Трой получится лучше, чем вот это – и указал на огромный формальный портрет, изображавший платье Соммиты, увенчанное ее маской. Затем настала очередь потрясающе красивого молодого человека, казавшегося очень встревоженным, – Руперта Бартоломью; хорошенькой девушки, чье имя Трой, которую всегда сбивали с толку массовые знакомства, не уловила; и крупной леди с глубоким голосом на диване, которую звали мисс Хильда Дэнси; и, наконец, показался джентльмен с еще более глубоким голосом и веселым загорелым лицом, который объявил, что он новозеландец и что зовут его мистер Эру Джонстон.

Выполнив свой долг хозяина и познакомив между собой гостей, мистер Реес удержал подле себя Аллейна, проследил, чтобы ему налили выпить, отвел его в сторонку и, как заключила Трой по изменившемуся и ставшему очень внимательным выражению его лица, завел с ним серьезный разговор.

⁸ Рассказчик (*фр.*).

⁹ Острота (*фр.*).

– У вас был очень длинный день, миссис Аллейн, – сказал синьор Латтѐнцо с сильным итальянским акцентом. – Чувствуете ли вы, что все сигналы времени, – тут он быстро повращал пухлыми руками, – совершенно перемешались?

– Именно так, – кивнула Трой. – Думаю, это последствия смены часовых поясов.

– Приятно будет лечь в постель?

– Боже, да! – выдохнула она, вынужденная горячо с ним согласиться.

– Идите сюда, садитесь, – синьор Латтѐнцо повел художницу к дивану, стоявшему поодаль от того, где расположилась мисс Дэнси. – Вы не должны начинать рисовать, пока не будете готовы, – сказал он. – Не позволяйте им заставлять вас.

– О, надеюсь, завтра я буду готова.

– Я в этом сомневаюсь, а еще больше сомневаюсь в том, что в вашем распоряжении будет ваша модель.

– Почему? – быстро спросила Трой. – Что-нибудь случилось? То есть...

– Случилось? Это зависит от того, как посмотреть. – Он пристально поглядел на нее. Глаза у него были очень живые и блестящие. – Вы, очевидно, не слышали о грандиозном событии. Нет? Тогда я должен сказать вам, что послезавтра вечером мы станем слушателями самого первого представления совершенно новой одноактной оперы. Это будет мировая премьера, – объявил синьор Латтѐнцо чрезвычайно сухим тоном. – Что вы об этом думаете?

– Я ошеломлена, – сказала Трой.

– Вы будете еще больше ошеломлены, когда услышите оперу. Вы, конечно, не знаете, кто я.

– Боюсь, мне известно лишь, что ваша фамилия Латтѐнцо.

– Так и есть.

– Наверное, мне следовало воскликнуть: «О нет! Неужели *тот самый* Латтѐнцо?»

– Все нет. Я скромная личность – педагог по вокалу. Я беру человеческий голос и учу его узнавать самое себя.

– И вы...

– Да, я разобрал на части самый выдающийся вокальный инструмент нашего времени, снова собрал его и, вернул владелице. Я три года работал как лошадь, и наверное, я единственный человек, на которого она обращает хоть какое-то внимание в профессиональном смысле. Мне велено быть здесь, так как она желает, чтобы я впал в восторг от этой оперы.

– А вы ее видели? Или надо говорить «читали»?

Он поднял глаза к потолку и сделал отчаянный жест.

– О боже, – пробормотала Трой.

– Увы, увы, – согласился синьор Латтѐнцо.

Интересно, он всегда так неосмотрителен с незнакомцами, подумала художница.

– Вы, разумеется, обратили внимание, – продолжил он, – на светловолосого молодого человека с внешностью средневекового ангела и с выражением душевной муки на лице?

– Да, обратила. У него замечательная голова.

– Задаешься вопросом, какой дьявол вселил в эту голову мысль, будто она может сочинить оперу. И все же, – сказал синьор Латтѐнцо, задумчиво глядя на Руперта Бартоломью, – я полагаю, что ужас перед премьерным спектаклем, который, без сомнения, испытывает это бедное дитя, не совсем обычного свойства.

– Нет?

– Нет. Я думаю, он осознал свою ошибку и теперь чувствует себя ужасно.

– Но ведь это чудовищно. Это худшее, что может случиться.

– Значит, такое может произойти и с художником?

– Я думаю, художники еще в процессе работы понимают, что то, что они делают, плохо. Я знаю, что я это понимаю. Наверное, у сочинителей и, судя по вашим словам, у музыкантов нет

этого временного промежутка, когда они могут достичь ужасного момента истины. Эта опера и в самом деле так плоха?

– Да. Плоха. Тем не менее примерно трижды можно услышать небольшие знаки, которые заставляют сожалеть о том, что ему потакают. Для него ничего не жалеют. Он будет дирижировать.

– А вы говорили с ним? О том, что не так?

– Еще нет. Сначала я позволю ему услышать эту оперу.

– Ох, – запротестовала Трой, – но зачем же?! Зачем ему проходить через это? Почему просто не поговорить и не посоветовать ему отменить представление?

– Во-первых, потому, что Соммита не обратит на это никакого внимания.

– А если бы он отказался?

– Она поглотила его, бедняжку. Он бы не отказался. Она сделала его своим секретарем, аккомпаниатором, композитором, но главное и самое разрушительное – то, что она сделала его своим любовником и поглотила его. Это очень печально, – вздохнул синьор Латтъенцо, и глаза его сверкнули. – Но теперь вы понимаете, – добавил он, – что я имею в виду, когда говорю, что Ла Соммита будет слишком *engagée*¹⁰, чтобы позировать вам, пока все это не закончится. А после она, возможно, будет слишком разъярена, чтобы усидеть на месте хотя бы полминуты. Вчера была первая генеральная репетиция. А послезавтра – представление! Рассказать вам об их первой встрече и о том, как все это случилось?

– Пожалуйста.

– Но сначала вам нужно подкрепиться и чего-нибудь выпить.

И синьор Латтъенцо начал этот интересный рассказ:

– Представьте себе! Их первая встреча. Все составляющие для мыльной оперы: странный молодой человек, бледный как смерть и прекрасный как Адонис, с горящими глазами, с кончика носа стекает вода, голодным взором смотрит на свою богиню в час ночи под проливным дождем. Она подзывает его к окну своей машины. Она добра, а вскоре становится еще добрее. И еще добрее. Он показывает ей свою оперу – она называется «Чужестранка» и посвящена ей. Поскольку большую часть оперы занимает роль Руфи и едва героиня заканчивает радовать публику одной колоратурой, как начинается следующая, она впечатлена и проявляет благосклонность. Вы, конечно же, знаете ее знаменитое ля третьей октавы?

– Боюсь, что нет.

– Нет? Выше только достижение, зафиксированное в Книге рекордов Гиннеса. Этот одержимый молодой человек позаботился о том, чтобы включить эту ноту в ее арию. Кстати, должен сказать вам, что, хотя это великолепное создание поет как Царица Небесная, в музыкальном смысле она глупа как пробка.

– Да бросьте!

– Поверьте мне. Это правда. Перед вами сейчас компания, собранная ради этого фарса огромной ценой. Бас – новозеландец и достойный преемник Иниа Те Виата¹¹. У него роль Вооза, и поверьте мне, «Чужестранка» для него совершенно неподобающее произведение. Милая Хильда Дэнси на диване будет петь Наоми, у которой в опере лишь один дуэт, горстка речитативов и партия контральто в слабом попури на тему *Bella figlia dell'amore*¹². Там к ней присоединяется меццо-сопрано – маленькая Сильвия Пэрри, которая как раз сейчас беседует с композитором. Она, так сказать, синьора Вооз. Далее вступает романтический элемент в лице Родольфо Романо – это главный сборщик колосьев, который с первого взгляда начинает обо-

¹⁰ Занята (*фр.*).

¹¹ Иниа Те Виата (1915–1971) – бас-баритон, новозеландский оперный певец, киноактер, художник и мастер традиционной резьбы маори.

¹² Вокальный квартет из 3-го акта оперы Д. Верди «Риголетто».

жать Руфь. Нечего и говорить, что она доминирует в квартете. Я, наверное, кажусь вам очень черствым? – сказал синьор Латтjenцо.

– Вы кажетесь мне очень забавным, – сказала Трой.

– Но язвительным? Да?

– Ну... возможно, безжалостным.

– Если бы мы все были такими...

– Что?

– Безжалостными к Руфи, дорогая.

– Ах вот оно что! – рассмеялась Трой.

– Я очень голоден. Она, как обычно, опаздывает на двадцать минут, и наш добрый Монти смотрит на часы. Нам должны устроить настоящее представление – «Запоздалое Появление». Слушайте.

В этот момент послышались музыкальные восклицания, быстро становящиеся все громче.

– Приближается небесная пожарная машина, – громко объявил синьор Латтjenцо, обращаясь к присоединившемуся к ним Аллейну.

Дверь в холл широко распахнулась, на пороге появилась Изабелла Соммита, и Трой подумала: вот оно. «Воскликните Господу, вся земля!»¹³ Вот оно.

Первое, что все замечали в Соммите, были ее глаза. Они были огромные, черные и мрачные, раскосо посаженные на ее белом и гладком лице. Над ними – две арки бровей, тонкие, но, если их предоставить самим себе, они станут густыми и грозно встретятся над переносицей. Полная нижняя губа и слегка выступающие зубы с маленькой щербинкой впереди, которая, как говорят, означает склонность легко влюбляться. На ней были бриллианты и бархатное зеленое платье, щедро открывавшее ее знаменитую грудь, сверкавшую словно мрамор.

Все сидящие встали. Аллейн подумал: еще немного, и дамы присядут в низких реверансах. Он взглянул на Трой и узнал на ее лице выражение живого внимания и беспристрастного наблюдения, которое означало, что его жену зацепило.

– Мои дороги-и-е! – пропела Ла Соммита. – Так поздно! Простите, простите. – Она обвела всех своим необыкновенно пронизательным взглядом – медленно, будто лучом маяка, подумал Аллейн, и тут этот взгляд остановился на нем, а потом на Трой.

На лице Соммиты появилось выражение изумления и восторга. Она пошла им навстречу, протянув к супругам обе руки и вскрикнув от волнения, схватила их за руки и крепко пожала их, словно поздравляя с бракосочетанием, и словно ее радость по этому поводу была слишком велика, чтобы выразить ее словами.

– Вы приехали! – вскричала она наконец и обратилась к остальным. – Разве не чудесно? Они приехали! – Она словно трофеи показывала их своей вежливо слушающей публике.

Аллейн неслышно выругался, и чтобы высвободиться, поцеловал ей руку.

Последовал водопад приветствий. Ла Соммита схватила Трой за плечи, пристально посмотрела на нее, спросила, подойдет ли ей она (Соммита), и сказала, что она уже знает, что они *en rapport*¹⁴ и что она (Соммита) всегда это знала. А Трой знала об этом? Она обратилась к Аллейну: Трой знала?

– О, – ответил тот, – она ужасно хитра, мадам. Вы понятия не имеете, насколько.

Последовали мелодичные восклицания и смех, вызванный этой совсем не блестящей шуткой. Аллейна игриво побранили.

Их прервал еще один похожий на стюарда человек, появившийся у входа в дальнем конце комнаты и объявивший, что ужин готов. Он держал поднос, на котором, несомненно, лежала

¹³ Псалтирь, 99 псалом.

¹⁴ В гармонии, в согласии (*фр.*).

прибывшая с Аллейнами почта; он подошел с подносом к секретарю с соломенными волосами, и тот велел: «Ко мне на стол». Мужчина что-то ответил и указал на лежавшую на подносе газету. Секретарь сильно взволновался и повторил достаточно громко, чтобы слышал Аллейн: «Нет-нет, я этим займусь. В ящик моего стола. Унесите».

Мужчина слегка поклонился и вернулся к дверям.

Гости к этому моменту пришли в движение, и сцена напоминала конец первого акта эдвардианской комедии: громкие голоса, продуманные движения и общее ощущение приближения к кульминации, которая будет развиваться в следующем акте.

Однако кульминация произошла немедленно. Бас, мистер Эру Джонстон, громогласно спросил:

– Это что, вечерняя газета? Значит, там будут результаты Кубка Мельбурна?¹⁵

– Полагаю, да, – сказал мистер Реес. – А что такое?

– Мы неплохо заработали, поставив на лошадь Топ Ноут. Она была явным фаворитом.

– Слушайте все! Мельбурнский кубок! – пророкотал он.

Процессия остановилась. Все оживленно болтали, но, как говорят актеры, все «перекрывал» голос Соммиты, потребовавшей дать ей газету немедленно. Аллейн увидел, как взволнованный секретарь пытается добраться до слуги, но Соммита уже схватила газету и раскрыла ее.

Последовавшая за этим сцена в течение трех-четырёх секунд отдаленно напоминала прерванную схватку в регби. Гости, все еще разговаривающие друг с другом, толпой обступили примадонну. И вдруг все умолкли, попятились и оставили ее в одиночестве; она молча скосила глаза на раскрытую газету, которую держала так, словно собиралась пинком отправить ее в вечность. Как говорил потом Аллейн, он мог поклясться, что на губах у нее выступила пена.

На первой полосе газеты красовался огромный заголовок:

СОММИТА НЕ НОСИТ БЮСТГАЛЬТЕР СО ВКЛАДЫШАМИ

И ниже:

Знаменитая примадонна официально заявляет, что все ее изгибы – от природы. Но так ли это???

В широкую рамку в центре страницы были помещены примерно девять строк печатного текста, а под ними стояла огромная подпись: Изабелла Соммита.

Ш

Обед стал катастрофическим моноспектаклем Соммиты. Было бы преуменьшением сказать, что она пережила целую гамму эмоций: она начала там, где гамма закончилась, и вспышки истерии служили в этом представлении передышками. Время от времени она внезапно умолкала и начинала жадно поглощать еду, которую перед ней ставили, ибо была прожорливой дамой. Испытывавшие неловкость гости хватались за эту возможность и присоединялись к ней в более консервативной манере. Тем более что еда была превосходной.

Ее коллеги по цеху, как позже согласились друг с другом Аллейн и его жена, испытывали меньшую неловкость, чем непрофессиональная аудитория; казалось, они более или менее спокойно воспринимали ее взрывы чувств и время от времени подбрасывали подстрекательские

¹⁵ Самые крупные в Австралии конноспортивные соревнования. Проводятся ежегодно в первый вторник ноября, начиная с 1861. Скачки настолько популярны в стране, что жители Мельбурна получают в день открытия официальный выходной день.

реплики, а сидевший слева от нее синьор Романо красноречиво жестикулировал и целовал ей руку, когда ему удавалось ее поймать.

Аллейн сидел справа от Соммиты. Она часто к нему обращалась, и он получил пару мучительных тычков в ребра, когда она старалась донести до него свои доводы. Он чувствовал на себе взгляд Трой, и, улучив момент, на секунду скорчил ей гримасу ужаса. Он увидел, что она едва удержалась от смеха.

Трой сидела по правую руку от мистера Рееса. Кажется, он считал, что посреди всего этого шума на нем лежит обязанность поддерживать беседу, и заметил, что в Австралии не хватает неподкупных журналистов. Оскорбившая Соммиту газета была австралийским еженедельником с большим тиражом в Новой Зеландии.

Когда перед ним поставили портвейн, а его пассия на время погрузилась в мрачное молчание, он невыразительным тоном предположил, что дамы, возможно, хотят удалиться.

Соммита ответила не сразу, и за столом повисло неуверенное молчание, пока она сердито созерцала гостей. Да к черту это все, подумала Трой и встала. Хильда Дэнси с готовностью последовала ее примеру; после минутного колебания, с округлившимися глазами, то же самое сделала и Сильвия Пэрри. Мужчины встали.

Соммита поднялась, встала в позу Кассандры, которая вот-вот начнет вещать, но видимо, передумала и объявила, что идет спать.

Минут через двадцать Аллейн обнаружил, что находится в комнате, похожей на декорации для научно-фантастического фильма – это был кабинет мистера Рееса. Вместе с ним там находились сам мистер Реес, мистер Бен Руби, Руперт Бартоломью и секретарь с соломенными волосами, которого, как оказалось, звали Хэнли.

На столе, вокруг которого собрались мужчины, лежала та скверная газетенка. Они прочли заключенное в центральную рамку письмо, отпечатанное на машинке.

Редактору газеты *The Watchman*

Сэр,

я желаю посредством вашей колонки целиком и полностью отвергнуть возмутительные клеветнические обвинения, циркулирующие в этой стране. Я желаю решительно заявить, что не испытываю никакой потребности, и соответственно, никогда не прибегала к косметической хирургии или к искусственным усовершенствованиям какого бы то ни было рода. Я являюсь и предстаю перед моей публикой такой, какой меня создал Господь. Благодарю Вас.

Изабелла Соммита

– И вы говорите, что все это – фальсификация? – спросил Аллейн.

– Конечно, фальсификация! – воскликнул Бен Руби. – Не станет же она сама накладывать себе на тарелку порцию токсичной славы! Боже, это делает ее самым большим посмешищем всех времен в Австралии. И все это станет известно и за океаном, уж поверьте.

– А слухи или сплетни подобного рода действительно ходят?

– Нам об этом ничего не известно, – сказал мистер Реес. – А если бы такие слухи широко распространились, мы бы об этом услышали. Разве не так, Бен?

– Ну послушайте, старина, любой, кто видел ее, знает, что это глупо. Я хочу сказать, вы посмотрите на ее декольте! Оно говорит само за себя. – Мистер Руби повернулся к Аллейну. – Вы видели. Вы не могли этого не заметить. У нее самый прекрасный бюст, который только можно встретить в жизни. Прекрасный! Вот! Взгляните на эту фотографию.

Он раскрыл газету на странице 30 и разгладил ее на столе. На этой фотографии Соммита стояла в профиль, запрокинув голову и опершись руками на стол за спиной. Она была одета для роли Кармен и держала в зубах искусственную розу. Декольте было очень глубоким, и,

хотя на первый взгляд не возникало сомнений в естественности ее груди, при ближайшем рассмотрении можно было заметить странные небольшие отметины в этой области, наводящие на мысль о послеоперационных шрамах. Подпись гласила: «Лучше один раз увидеть!»

– Ей никогда не нравилась эта фотография, – угрюмо сказал мистер Реес. – Никогда. Но она нравилась прессе, и поэтому мы сохранили ее в информационных материалах. Вот! – воскликнул он, ткнув пальцем. – Вот, взгляните-ка на это! Это подделка. Фотографию изменили. Тут кто-то нахимичил. Эти шрамы – подделка.

Аллейн внимательно рассматривал фото.

– Думаю, вы правы, – наконец сказал он и вернулся на первую страницу. – Мистер Хэнли, – спросил он, – как вы считаете, эта печатная машинка принадлежит кому-то из ближайшего окружения мадам Соммиты? Вы можете это определить?

– А? О! – секретарь склонился над газетой. – Ну, – сказал он через минуту, – это было напечатано не на моей машинке. – Он тревожно рассмеялся. – В этом я могу вас уверить. Но насчет ее машинки я не уверен. Что скажете, Руперт?

– Бартоломью – секретарь мадам, – объяснил мистер Реес своим невыразительным голосом. – Он сделал шаг назад и знаком велел Руперту внимательно рассмотреть страницу.

Руперт, красневший всякий раз, когда мистер Реес обращал на него хоть какое-то внимание, покраснел и сейчас и склонился над газетой.

– Нет, это не наша... то есть не моя машинка. В нашей буква Р немного выступает из ряда. Да и шрифт не тот.

– А подпись? Выглядит довольно убедительно, что скажете? – спросил Аллейн хозяина дома.

– О да, – ответил тот. – Это подпись Беллы.

– Кто-нибудь из вас может назвать причину, по которой мадам Соммита могла быть вынуждена поставить свою подпись внизу чистого листа почтовой бумаги?

Все молчали.

– Она умеет печатать?

– Нет, – ответили все в один голос, а Бен Руби раздраженно добавил:

– Ох, да ради всего святого, какой смысл всем этим заниматься? Не было никаких слухов о ее груди, простите меня за прямоту, и черт побери, она не писала это чертово письмо. Это точно подделка, и, ей-богу, по-моему, за всем этим стоит этот проклятый фотограф.

Оба молодых человека промычали что-то в знак полного согласия.

Мистер Реес поднял руку, и они умолкли.

– Нам повезло, – сказал он, – что с нами здесь мистер Аллейн, а точнее, старший суперинтендант Аллейн. Предлагаю с полным вниманием выслушать его, джентльмены.

Повернувшись к Аллейну, он слегка поклонился, словно проводил заседание совета директоров.

– Вы не могли бы?

– Разумеется, если вы считаете, что я могу быть полезен, – кивнул Аллейн. – Но полагаю, мне стоит напомнить, что если речь идет о том, чтобы привлечь к этому делу полицию, то это должна быть новозеландская полиция. Уверен, вы это понимаете.

– Именно так, именно так, – сказал мистер Реес. – Скажем, мы были бы вам весьма признательны за неофициальное заключение.

– Хорошо. Но мне нечем будет вас поразить.

Мужчины расставили стулья вокруг стола; они словно собираются прослушать какую-то чертову лекцию, подумал Аллейн. Вообще вся эта ситуация, думал он, какая-то странная. Они словно договорились между собой, как нужно играть эту сцену, но не очень хорошо знали свои реплики.

Аллейн вспомнил полученные от шефа инструкции. Ему следовало наблюдать, вести себя крайне осмотрительно, подстраиваться под условия, на которых его пригласили, и заниматься делом гадкого фотографа так же, как он занимался бы любым делом, порученным ему согласно его служебным обязанностям.

– Итак, приступим. Прежде всего: если бы это было полицейское расследование, то первым делом следовало бы тщательнейшим образом изучить письмо, которое похоже на печатную копию оригинального документа. Мы бы увеличили его на экране, поискали бы на нем какие-либо отпечатки пальцев или признаки сорта исходной бумаги. То же самое было бы проделано с фотографией, причем мы уделили бы особое внимание довольно неуклюжей подделке послеоперационных шрамов. Одновременно мы бы отправили человека в редакцию газеты *The Watchman*, чтобы выяснить как можно больше о том, когда было получено оригинальное письмо, пришло ли оно по почте или его сунули в ящик для корреспонденции у входа в здание редакции. А также то, кто этим письмом занимался. Можно почти наверняка утверждать, что представители *The Watchman* были бы весьма уклончивы в своих ответах, и, если бы их попросили предоставить оригинал письма, сказали бы, что он не сохранился, что могло бы оказаться правдой – а могло и нет. Очевидно, – продолжил Аллейн, – они не запрашивали никакого подтверждения подлинности письма, и сами не предприняли никаких шагов, чтобы в ней убедиться.

– С этой газетой такое не пройдет, – сказал Бен Руби. – Вы только взгляните. Если бы мы подали на них в суд за клевету, для *The Watchman* в этом не было бы ничего нового. Полученная прибыль того стоила бы.

– Я, кажется, слышал, что как-то раз этот фотограф – «Филин», так? – переоделся в женщину, попросил у Соммиты автограф, а потом сделал снимок с очень близкого расстояния и скрылся.

Мистер Руби хлопнул по столу.

– Боже, вы правы! – воскликнул он. – И он его получил! Она дала ему автограф. Он получил ее подпись.

– Наверное, бесполезно спрашивать, помнит ли она, в каком блокноте она расписывалась, или подписывала ли когда-нибудь пустую страницу, или какого размера была эта страница.

– Она помнит! Еще как помнит! – закричал мистер Руби. – В тот раз блокнот действительно был очень большого размера. Был похож на тот, что специально заводят для автографов знаменитостей. Она запомнила его потому, что он был такой необычный. А подпись она, скорее всего, оставила очень большую, чтобы заполнить все свободное место. Она всегда так делает.

– Кто-нибудь из вас был с ней в это время? Она ведь выходила из театра?

– Я был с ней, – сказал мистер Реес. – И ты, Бен. Мы всегда сопровождаем ее от служебного выхода до машины. Я не видел блокнот. Я смотрел, стоит ли машина на обычном месте. Там была большая толпа.

– Я стоял позади нее, – вспомнил мистер Руби. – Я не мог ничего видеть. Не успел я опомниться, как мелькнула вспышка и началась суматоха. Она кричала, чтобы кто-нибудь остановил фотографа. Кто-то еще кричал «Остановите эту женщину!» и пытался пробраться через толпу. А потом выяснилось, что кричала сама эта женщина, которая и была этим самым фотографом Филином. Я понятно объясняю?

– Вполне, – кивнул Аллейн.

– Он всех нас одурачил; он всю дорогу нас дурачит, – пожаловался мистер Руби.

– А как он сам выглядит? Наверняка ведь кто-то что-то заметил в его внешности?

Но похоже, что это было не так. Никто не предложил надежного описания. Он всегда действовал в толпе, где все внимание было приковано к его жертве и многочисленным репортерам. Или он внезапно выскакивал из-за угла, держа фотоаппарат в обеих руках так, что он закрывал его лицо, или делал снимок из машины, которая уезжала прежде, чем кто-либо успе-

вал что-то предпринять. Были высказаны неуверенные впечатления: у него была борода, рот закрыт шарфом, он смуглый. Мистер Руби высказал предположение, что он никогда не надевает одну и ту же одежду дважды и всегда тщательно гримируется, но подкрепить эту идею ничем не мог.

– Какие действия, – спросил Аллейна мистер Реес, – вы бы посоветовали предпринять?

– Для начала: не подавать иск о клевете. Как думаете, можно ее от этого отговорить?

– Возможно, к утру она сама будет против. Никогда не знаешь наверняка, – сказал Хэнли, а потом встревоженно обратился к своему работодателю: – Простите, сэр, но я хотел сказать, что это в самом деле невозможно предугадать, не так ли?

Мистер Реес, не меняя выражения лица, просто взглянул на своего секретаря, который нервно умолк.

Аллейн вернулся к газете и повертел ее под разными углами в свете лампы.

– Я думаю, – сказал он, – не уверен, но думаю, что бумага оригинала была глянцевой.

– Я найду человека, который займется газетой, – сказал мистер Реес и обратился к Хэнли: – Свяжитесь с сэром Саймоном Марксом в Сиднее, – приказал он. – Или где бы он ни был. Найдите его.

Хэнли отошел к телефону, стоявшему в дальнем углу, и склонился над аппаратом в беззвучном разговоре.

– Если бы я занимался этим делом как полицейский, – продолжил Аллейн, – сейчас я бы попросил всех высказать ваши мысли относительно преступника, вытворяющего эти безобразные фокусы, если на минуту предположить, что фотограф и тот, кто сострепал это письмо – одно и то же лицо. Есть ли кто-то, кто, по вашему мнению, затаил достаточно глубокую злобу или обиду, чтобы она вдохновляла его на такие настойчивые и злобные атаки? У Соммиты есть враги?

– Есть ли у нее сотня чертовых врагов? – с жаром воскликнул мистер Руби. – Конечно, есть. Например, доморощенный баритон, которого она оскорбила в Перте, или хозяйка дома из высшего общества в Лос-Анджелесе, которая устроила в ее честь грандиозную вечеринку и пригласила на нее представителя королевской семьи, бывшего там проездом, чтобы познакомиться с ней.

– И что пошло не так?

– Она не пришла.

– О боже.

– Уперлась в последний момент, потому что услышала, что деньги хозяйки дома происходят из Южной Африки. Мы сослались на внезапный приступ мигрени, и эта отговорка сработала бы, если бы она не пошла ужинать в ресторан «У Анджело», и пресса не написала бы об этом на следующее утро, приложив фотографии.

– Но ведь «Филин» действовал уже тогда, разве нет?

– Так и есть, – мрачно согласился мистер Руби. – Тут вы правы. Но враги! Мать честная!

– На мой взгляд, дело тут не во вражде, – сказал мистер Реес. – Это от начала и до конца прибыльная затея. Я убедился, что «Филин» может просить за свои фотографии любые деньги. Думаю, их появление в виде книги – лишь вопрос времени. Он нашел прибыльное дело, и если мы не поймем его в процессе, то он будет извлекать прибыль до тех пор, пока публика проявляет к этому интерес. Все просто.

– Если он подделал письмо, – сказал Аллейн, – трудно понять, как он собирается извлечь из этого выгоду. Вряд ли он может признаться в подделке документов.

– Мне кажется, письмо было написано просто назло, – встрял в разговор Руперт Бартоломью. – Она тоже так считает – вы слышали, что она говорит. Что-то вроде жестокого розыгрыша.

Он сделал это заявление с вызовом, почти с видом собственника. Аллейн увидел, как мистер Реес несколько секунд сосредоточенно смотрел на молодого человека, словно тот внезапно привлек его внимание. Этот Бартоломью точно лезет в омут.

Хэнли выпрямился около телефона и сказал:

– Сэр Саймон Маркс, сэр.

Мистер Реес взял трубку и едва слышно заговорил. Остальные погрузились в тревожное молчание; они не желали выглядеть так, словно подслушивают, но при этом были не в состоянии найти тему для разговора друг с другом. Аллейн чувствовал на себе внимательный взгляд Руперта Бартоломью, который тот торопливо отводил каждый раз, когда встречался с Аллейном глазами. Он хочет меня о чем-то попросить, подумал Аллейн, и подошел к нему. Они оказались в стороне от остальных.

– Расскажите мне о своей опере, – попросил Аллейн. – Со слов нашего хозяина я составил себе лишь скудное представление, но, похоже, все это очень интересно.

Руперт пробормотал что-то вроде того, что он не очень-то в этом уверен.

– Но для вас, – продолжил Аллейн, – это, должно быть, очень важно? Если ее будет исполнять величайшее сопрано наших дней? По-моему, это большое и чудесное везение.

– Нет, не говорите так.

– Почему же? Нервничаете перед премьерой?

Бартоломью покачал головой. Боже правый, подумал Аллейн, еще немного, и он расплачется. Молодой человек пристально посмотрел на него и хотел уже было заговорить, но тут мистер Реес положил трубку и вернулся к остальным.

– Маркс займется газетой, – сказал он. – Если оригинал письма у них, он добьется, чтобы мы его получили.

– В этом можно быть уверенным? – спросил Руби.

– Разумеется. Он владеет всей группой и контролирует политику.

Они завели отрывочный и бессвязный разговор, и Аллейну их голоса стали казаться далекими и бесплотными. Эффектный кабинет заколыхался, его обстановка поплыла, предметы стали уменьшаться и блекнуть. Я сейчас засну стоя, подумал он, и едва взял себя в руки. Он обратился к хозяину:

– Если я ничем больше не могу помочь, то могу ли я удалиться? День был долгий, а поспать в самолете мне не особо удалось.

Мистер Реес был сама заботливость.

– Какие мы невнимательные! Конечно, конечно. – Он произнес подобающие случаю фразы: он надеется, что у Аллейнов есть все необходимое, предложил доставить им поздний завтрак прямо в комнату, пусть только позвонят, когда будут готовы. Впечатление было такое, будто он проигрывает где-то внутри себя записанную кассету. Он взглянул на Хэнли, и тот сразу подошел, готовый услужить.

– Мы в полном, невероятном блаженстве, – уверил их Аллейн, едва понимая, что говорит. Затем он обратился к Хэнли: – Нет, пожалуйста, не беспокойтесь. Обещаю не заснуть по дороге наверх. Спокойной всем ночи.

Он прошел через тускло освещенный холл, в котором маячила скульптура беременной женщины, смотрящей на него узкими глазами. Позади нее в камине тихо мерцал почти погасший огонь.

Проходя мимо гостиной, он услышал обрывки разговора: не больше трех голосов, как ему показалось, и ни один из них не принадлежал Трой.

И действительно, когда Аллейн добрался до их комнаты, то нашел ее крепко спящей в постели. Прежде чем присоединиться к жене, он подошел к окну с тяжелыми портьерами, раздвинул их и увидел совсем близко, внизу, озеро в лунном свете, протянувшееся в сторону гор словно серебряная равнина. Как неуместно и нелепо, подумал он, что эта кучка шумных,

самовлюбленных людей с их самопровозглашенной роскошью и трагикомическими заботами, расположилась в сердце такой необъятной безмятежности.

Аллейн опустил портьеру и лег.

Он и Трой возвращались на землю в самолете мистера Рееса. Бесконечная дорога летела им навстречу. Ужасно далеко внизу грохотала река, и вода плескалась у борта катера. Он тихо опустился в нее и немедленно оказался на огромной глубине.

Глава 3. Репетиция

Трой спала крепким сном, а когда проснулась, обнаружила, что Аллейн уже встал и оделся, а комната залита солнечным светом.

– Никогда не думал, что тебя так трудно разбудить, – сказал он. – Сон у тебя глубокий, как само это озеро. Я попросил принести нам завтрак.

– Ты давно встал?

– Пару часов назад. В ванной полно всяких приспособлений. Струи воды бьют из таких мест, откуда их меньше всего ожидаешь. Я спускался вниз. Там ни души, кроме старого слуги, который посмотрел на меня так, будто я помешанный. Так что я вышел из дома и немного побродил вокруг. Трой, тут в самом деле необычайно красиво; так спокойно – озеро прозрачное, деревья не шелхнутся, все такое новое и свежее, и все же возникает чувство, что все кругом необитаемое и принадлежит к первобытной эпохе. Боже, – сказал Аллейн, потирая нос, – мне лучше не пытаться это описать. Давай расскажем друг другу, что происходило после вчерашнего кошмарного ужина.

– Мне нечего рассказать. Когда мы вас оставили, дива просто сказала голосом рокочущего вулкана: «Прошу извинить меня, дамы», и помчалась наверх. Я дала ей время исчезнуть и тоже поднялась наверх. Я едва помню, как добралась до кровати. А у тебя что?

Аллейн рассказал ей обо всем.

– Как по мне, – сказала Трой, – случись еще раз нечто столь же возмутительное, это ее окончательно сломит. Ее всю буквально трясло, словно у нее озноб. Она так дальше не выдержит. Ты не согласен?

– Вообще-то нет. Ты когда-нибудь видела, как два итальянца что-то обсуждают на улице? Яростные жесты, пронзительные крики, сверкающие глаза, лица близко друг к другу. Думаешь, что в любой момент начнется потасовка, и тут они без предупреждения начинают хохотать и хлопать друг друга по плечу в дружеском согласии. Я бы сказал, что она родом из чистокровных итальянских – возможно, сицилийских – крестьян, и совершенно не умеет сдерживаться. Добавь к этому склонность всех публичных исполнителей выходить из себя и закатывать истерики налево и направо, когда им кажется, что к ним проявили неуважение – и вот тебе портрет Ла Соммиты. Вот увидишь.

Но Трой успела лишь ошеломленно полюбоваться пейзажем за окном, на остальное ей не дали времени. Вместо этого мистер Реес повел ее и Аллейна осматривать дом, начав со студии, которая оказалась на том же этаже, что и их спальня. Рояли были для мистера Рееса мелочью, так что в студии тоже стоял рояль; Трой дали понять, что Соммита репетирует за ним, и что обладающий множеством талантов Руперт Бартоломью аккомпанирует ей, заменяя в этом качестве одну австралийскую даму. Она с изумлением обнаружила, что для ее удобства в комнате установили огромный мольберт изысканного дизайна и стол для рисования. Мистер Реес очень хотел знать, подойдут ли они. Трой так и подмывало спросить, были ли они куплены на распродаже или взяты напрокат, но она лишь сказала, что подойдут, хоть и была обескуражена их новизной. В комнате также был специальный подиум с прекрасной лаковой ширмой. Мистер Реес выразил некоторое неудовольствие по поводу того, что подиум недостаточно широк, чтобы на нем мог поместиться рояль. Трой, которая уже решила, что она хочет делать со своей моделью, сказала, что это неважно. Когда она сможет начать? Ей показалось, что мистер Реес ответил как-то уклончиво. Он сказал, что этим утром еще не говорил с мадам, но, насколько он понял, большая часть дня будет занята репетициями. Должен прибыть на автобусе оркестр. Они репетировали под регулярным присмотром приехавшего к ним Бартоломью. Остальные гости ожидаются завтра.

Окно в студии было огромное, из витринного стекла. Из него открывался новый вид на озеро и горы. Прямо под ним к дому примыкало патио, а рядом с ним располагался бассейн; в нем и вокруг него можно было увидеть вчерашних гостей. Справа, отделенные от бассейна зарослями деревьев, располагались открытая площадка и ангар, в котором, по словам мистера Рееса, находился вертолет.

Мистер Реес заговорил о виде, уныло сообщив несколько фактов: он сказал, что озеро настолько глубокое в некоторых местах, что глубину его никогда не измеряли, и что этот регион знаменит ураганом, который местные называют «Россер» и который внезапно зарождается в горах, заставляя озеро бесноваться и является причиной многих несчастных случаев.

Он также сделал пару замечаний относительно потенциала для «развития», и Аллейн увидел, как на лице его жены появилось выражение ужаса и недоверия. К счастью, законодательные сложности касательно землевладения и ограничение на ввоз рабочей силы воспрепятствовали бы тому, что мистер Реес назвал «стоящим туристическим планированием», так что этим первобытным берегам не угрожала перспектива возникновения пристаней для яхт, многоэтажных отелей, быстроходных катеров, громкой музыки и залитых светом бассейнов. С дневной мошкой и ночными москитами можно справиться, считал мистер Реес, и Трой мысленно представила, как низко летящий самолет распыляет миллионы галлонов керосина над безупречной поверхностью озера.

Без всякого предупреждения на нее вновь навалилась усталость, и она почувствовала, что совершенно не способна вынести продолжительное путешествие по этому бесконечному особняку. Видя ее состояние, Аллейн спросил мистера Рееса, может ли он принести и распаковать ее инструменты. Тут же зашла речь о том, чтобы позвать «человека», но этого им удалось избежать. А потом «человек» все же появился – смуглый, похожий на итальянца мужчина, который принес их завтрак. Он принес также и сообщение для мистера Рееса. Мадам Соммита желает видеть его немедленно.

– Думаю, мне нужно этим заняться, – сказал мистер Реес. – В одиннадцать мы все встречаемся в патио, чтобы выпить. Надеюсь, вы оба к нам присоединитесь.

И на этом их оставили в покое. Аллейн принес и распаковал инструменты Трой. Он открыл ее старую, выдавшую виды коробку с красками, развязал крепления на холстах, выложил ее альбом для набросков и целую коллекцию материалов, которые словно служили подписью, отмечавшей любое место, где Трой работала. Она сидела у окна, наблюдая за ним, и ей становилось лучше.

– Эта комната станет менее стерильной, – заметил Аллейн, – когда здесь запахнет скипидаром, на краях этого мольберта появятся пятна свинцовых белил, а на столе – полосы краски.

– Да, сейчас не скажешь, что она позвала меня поработать. С тем же успехом они могли развесить везде таблички «Руками не трогать».

– Когда начнешь, перестанешь это замечать.

– Думаешь? Может, ты и прав, – сказала Трой, приободрившись, и взглянула на компанию у бассейна. – Это нечто. Очень живые цвета, и обрати, пожалуйста, внимание на живот синьора Латтъенцо. Разве он не великолепен?

Синьор Латтъенцо растянулся на оранжевом шезлонге. На нем был зеленый банный халат; его полы разошлись в стороны на объемистом торсе, на котором он держал книгу в алой обложке. Он весь сиял.

Внезапно, словно почувствовав, что на него смотрят, он запрокинул голову, увидел Трой и Аллейна и энергично помахал им. Они помахали в ответ. Он по-итальянски красноречиво жестикулировал, и в конце послал Трой воздушный поцелуй сразу двумя руками.

– Ты пользуешься успехом, дорогая, – сказал Аллейн.

– Кажется, он мне нравится. Но боюсь, он довольно злобный. Я тебе не рассказывала: он считает, что опера этого красивого молодого человека ужасна. Разве это не печально?

– Так вот в чем дело с парнем! – воскликнул Аллейн. – А он сам знает, что она никуда не годится?

– Синьор Латтгенцо считает, что это возможно.

– И все-таки они продолжают заниматься всем этим расточительством.

– Полагаю, она настаивает.

– А!

– Синьор Латтгенцо говорит, что Соммита глупа как пробка.

– В музыкальном смысле?

– Да. Но я так поняла, что и в общем смысле тоже.

– Похоже, тонкости отношения к хозяйке дома не слишком беспокоят синьора Латтгенцо.

– Ну, если говорить точнее, то полагаю, для него она не хозяйка дома. Она его бывшая ученица.

– Верно.

– Этот мальчик совсем не в своей стихии. Она поставила его в совершенно нелепое положение. Она чудовище, и я жду не дождусь, когда смогу выразить это на холсте. Чудовище, – повторила Трой со смаком.

– А его нет с остальными, – обратил внимание Аллейн. – Наверное, он озабочен приездом оркестра.

– Невыносимо думать об этом. Ты только представь себе: все эти важные музыкальные персоны собрались в одном месте, а он знает – если действительно знает – что это будет фиаско. И при этом будет дирижировать. Ты только представь себе!

– Ужасно. Его ткнут носом в его же промах.

– Нам придется при этом присутствовать.

– Боюсь, что так, дорогая.

Трой отвернулась от окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь тихо закрывается.

– Что такое? – быстро спросил Аллейн.

– Дверь. Кто-то только что ее закрыл, – прошептала Трой.

– Правда?

– Да. Правда.

Аллейн подошел к двери, открыл ее и посмотрел направо.

– Доброе утро. Вы случайно не Трой ищите?

Последовала пауза, а потом раздался голос Руперта Бартоломью – с австралийским акцентом, неровный и не очень хорошо слышный:

– О, доброе утро. Я... да... вообще-то... сообщение...

– Она здесь. Входите.

Он вошел, бледный и неуверенный. Трой поприветствовала его с сердечностью, которая ей самой показалась несколько преувеличенной, и спросила, для нее ли его сообщение.

– Да, – сказал он, – да, для вас. Она... то есть мадам Соммита... попросила меня передать, что ей очень жаль, но, если вы ее ожидаете, то она не может... Она боится, что не сможет позировать вам сегодня, потому что...

– Из-за репетиций и всего прочего? Разумеется. Я и не ожидала, что мы начнем сегодня; вообще-то, я и сама бы этого не хотела.

– О! Да. Понимаю. Тогда хорошо. Я передам ей.

Бартоломью сделал движение к двери, но заметно было, что ему хочется остаться.

– Садитесь, – сказал Аллейн, – если вы, конечно, не спешите. Мы надеялись, что кто-нибудь... что вы, если у вас есть время, расскажете нам немного подробнее о завтрашнем вечере.

Он развел руками, словно хотел зажать ими уши, но спохватился и спросил, не против ли они, если он закурит. Он достал портсигар – золотой, украшенный драгоценными камнями.

– Желаете? – обратился он к Трой, а когда она отказалась, повернулся к Аллейну.

Открытый портсигар выпал из его неуверенной руки. Бартоломью извинился с таким видом, будто его застукали за кражей в магазине. Аллейн поднял портсигар. На внутренней стороне крышки располагалась уже знакомая ему размашистая подпись: Изабелла Соммита.

Бартоломью весьма неуклюже закрыл портсигар и закурил сигарету. Аллейн, словно продолжая начатый разговор, спросил у Трой, куда поставить мольберт. Они разыграли импровизированный спор по поводу освещения и бассейна как темы для картины. Это дало им обоим возможность выглянуть в окно.

– Очень трудный предмет, – сказала Трой. – Не думаю, что я этим займусь.

– Думаешь, лучше мастерски побездельничать? – весело спросил Аллейн. – Может, ты и права.

Они отвернулись от окна и увидели, что Руперт сидит на краю подиума для модели и плачет.

Он обладал настолько поразительной мужской физической красотой, что в его слезах было что-то нереальное. Они лились по идеальным чертам его лица и были похожи на капли воды на греческой маске. Зрелище было печальное, но при этом нелепое.

– Дорогой мой, в чем дело? – спросила Трой. – Не хотите поговорить? Мы не станем об этом распространяться.

И он заговорил. Сначала бессвязно, то и дело прерывая свою речь извинениями: им незачем все это выслушивать; он не хочет, чтобы они думали, будто он навязывается; наверное, это им неинтересно. Бартоломью вытер слезы, высморкался, глубоко затянулся сигаретой и заговорил яснее.

Сначала он просто заявил, что «Чужестранка» никуда не годится, что он осознал это совершенно внезапно, и абсолютно в этом убежден.

– Это было ужасно. Я делал коктейли и вдруг, ни с того ни с сего, я понял. Ничто теперь не изменится: опера дрянь.

– А представление в тот момент уже обсуждалось? – уточнил Аллейн.

– У нее все было спланировано. Это должен был быть... ну, большой сюрприз. А самое отвратительное, – сказал Руперт, и его поразительно красивые голубые глаза расширились от ужаса, – я ведь считал, что все просто потрясающе. Как в сентиментальном фильме про то, как юный гений добивается успеха. Я был, как бы это сказать... в эйфории.

– Вы сразу ей об этом сказали? – спросила Трой.

– Нет, не сразу. Там были еще мистер Реес и Бен Руби. Я был... Понимаете, я был так раздавлен, или что-то вроде того. Я подождал, – сказал Бартоломью и покраснел, – до вечера.

– Как она это восприняла?

– Никак. То есть она просто не стала меня слушать. Она просто отмахнулась от моих слов. Она сказала... О боже, она сказала, что у гениев всегда случаются такие минуты – минуты, как она выразилась, божественного отчаяния. Она сказала, что у *нее* такое бывает. По поводу ее пения. А потом, когда я стал настаивать, она... ну, она очень рассердилась. И вы понимаете – у нее были на это причины. Все ее планы и договоренности. Она написала Беппо Латтеньцо и сэру Дэвиду Баумгартнеру, договорилась с Родольфо, Хильдой и Сильвией и со всеми остальными. И пресса. Знаменитости. Все такое. Я какое-то время упирался, но...

Он умолк, бросил быстрый взгляд на Аллейна и опустил глаза.

– Было и кое-что другое. Все сложнее, чем кажется по моему рассказу, – пробормотал он.

– Взаимоотношения между людьми иногда бывают ужасно трудными, да? – сказал Аллейн.

– И не говорите! – пылко согласился Руперт и выпалил: – Я, должно быть сошел с ума! Или даже заболел. Как будто у меня была лихорадка, а теперь она прошла, и... Я выздоровел, и мне остается лишь ждать завтрашнего дня.

– Вы в этом уверены? – спросила Трой. – А труппа и оркестр? Вам известно их мнение? А синьор Латтгенцо?

– Она заставила меня пообещать, что я не покажу ему оперу. Не знаю, показывала ли она ее сама. Думаю, показывала. Он, конечно же, сразу понял, что опера ужасна. А труппа еще как об этом знает. Родольфо Романо очень тактично предлагает внести изменения. Я видел, как они переглядываются. Они умолкают при моем появлении. Знаете, как они ее называют? Они думают, что я не слышал, но это не так. Они говорят, что это пошлая банальщина. Ох, – воскликнул Руперт, – ей не следовало этого делать! Это нечестно: у меня не было никакой надежды. Ни малейшего шанса. Боже, и ведь она заставляет меня *дирижировать*! И я буду стоять перед этими знаменитостями, размахивать руками словно чертова марионетка, а они не будут знать куда глаза девать от неловкости.

Воцарилось долгое молчание, которое наконец нарушила Трой.

– Так откажитесь, – энергично сказала она. – Плевать на знаменитостей, на всю эту суету и поддельную славу. Это будет очень неприятно и потребует большого мужества, но, по крайней мере, это будет честно. И к черту их всех. Откажитесь.

Бартоломью встал. Перед тем как прийти сюда, он купался, и его короткий желтый халат распахнулся. Трой заметила, что кожа у него абрикосового оттенка, а не цвета темного загара, и не огрубевшая, как у большинства любителей солнца. Он и правда весьма лакомый кусочек. Неудивительно, что Соммита в него вцепилась. Бедняжка, да он просто экземпляр для коллекции.

– Не думаю, – сказал Руперт Бартоломью, – что я трусливее прочих. Дело не в этом. Дело в ней – в Изабелле. Вы ведь видели вчера, какой она бывает. А тут еще это письмо в газете... Послушайте, она либо сорвется и заболеет, либо впадет в бешенство и убьет кого-нибудь. Предпочтительно, чтобы это был я.

– Ой, да перестаньте!

– Нет, – сказал он, – это не глупости. Правда. Она ведь сицилийка.

– Не все сицилийки – тигрицы, – заметил Аллейн.

– Такие как она – тигрицы.

Трой поднялась:

– Оставлю вас с Рори. Думаю, тут потребуется мужской шовинистический разговор. Посплетничайте.

Когда она ушла, Руперт вновь принялся извиняться. Что подумает о нем миссис Аллейн!

– Даже не думайте об этом беспокоиться, – сказал Аллейн. – Ей вас жаль, она не шокирована и, уж конечно, вы ей не докучаете. Я думаю, она права: как бы это ни было неприятно, вам, возможно, следует отказаться. Но боюсь, решение это придется принимать только вам, и никому другому.

– Да, но вы не знаете самого худшего. Я не мог говорить об этом при миссис Аллейн. Я... Изабелла... Мы...

– Вы любовники, так?

– Если это можно так назвать, – пробормотал Руперт.

– И вы думаете, что если выступите против нее, то вы ее потеряете? Дело в этом?

– Не совсем. То есть, конечно, я думаю, она меня вышвырнет.

– Это было бы так уж плохо?

– Это было бы чертовски хорошо! – выпалил он.

– Ну, тогда...

– Я не жду, что вы меня поймете. Я сам себя не понимаю. Сначала это было чудесно, просто волшебным. Я чувствовал себя способным на что угодно. Прекрасно. Бесподобно. Слышать, как она поет, стоять за кулисами театра, видеть, как две тысячи человек сходят по ней с

ума, и знать, что выходы на поклон, цветы и овации – это еще не конец, что для *меня* все самое лучшее еще впереди. Знаете, как говорят про гребень волны? Это было прекрасно.

– Могу себе представить.

– А потом, после того... Ну, после того момента истины по поводу оперы, вся картина изменилась. Можно сказать, то же самое случилось и в отношении нее. Я вдруг увидел, какая она на самом деле, и что она одобряет эту чертову провальную оперу, потому что видит себя успешно выступающей в ней, и что никогда, *никогда* ей не следовало меня поощрять. И я понял, что у нее нет настоящего музыкального вкуса, и что я пропал.

– Тем более это причина... – начал было Аллейн, но Руперт перебил его, закричав:

– Вы говорите мне то, что я и сам знаю! Но я влип. По самые уши. Подарки – как вот этот портсигар. Даже одежда. Потрясающая зарплата. Поначалу я настолько погрузился в... наверное, можно назвать это восторгом... что все это не казалось мне унижительным. А теперь, хоть я и вижу все в истинном свете, я не могу выбраться. Не могу.

Аллейн молча ждал. Руперт Бартоломью встал. Он расправил плечи, убрал в карман свой ужасный портсигар и издал нечто похожее на смех.

– Глупо, правда? – сказал он, сделав печальную попытку говорить легко. – Простите, что я вас побеспокоил.

– Вы знакомы с сонетами Шекспира?

– Нет. А что?

– Есть один очень известный его сонет, который начинается со слов «Издержки духа и стыда растрата – вот сладострастье в действии»¹⁶. Думаю, это самое потрясающее описание ощущения деградации, которое сопровождает страсть без любви. По сравнению с ним *La Belle Dame Sans Merci*¹⁷ – просто сентиментальный вздор. В этом и есть ваша беда, так ведь? С имбирного пряника облезла позолота, но съесть его все равно неудержимо хочется. И поэтому вы не можете решиться на разрыв.

Руперт сцепил кисти рук и кусал костяшки пальцев.

– Можно и так сказать, – ответил он.

Последовавшее за этим молчание нарушил внезапный гул голосов в патио внизу: восклицания, звуки, сопровождающие чей-то приезд, и безошибочно различимые музыкальные вскрики, которыми Соммита выражала приветствие.

– Это музыканты, – пояснил Бартоломью. – Я должен спуститься. Нам нужно репетировать.

II

К полудню усталость Трой, вызванная сменой часовых поясов, начала постепенно проходить, а с ней стало исчезать и ощущение нереальности окружающего. На смену этим чувствам пришло знакомое беспокойство, и, как всегда, оно выразилось в сильном желании взяться за работу. Они с Аллейном обошли остров и обнаружили, что, если не считать вертолетной площадки и похожего на лужайку пространства перед фасадом с деревьями-часовыми, практически весь остров был занят домом. Умелый архитектор оставил небольшие участки девственного леса там, где они доставили бы гуляющим наибольшее удовольствие. Если подходить к дому спереди, от озера, то лес и сам дом помогали скрыть столб, провода от которого тянулись через озеро к поросшей деревьями отмели, вдававшейся в озеро на дальнем конце острова.

– Давай пока не будем думать, во что все это обошлось, – сказала Трой.

¹⁶ У. Шекспир, сонет СХХХХ (пер. с англ. С. Маршака).

¹⁷ Фр. «безжалостная красавица» – баллада английского поэта Джона Китса, написанная им в 1819 г.

Они пришли к бассейну к одиннадцати часам. Там уже подавали напитки. В это же время прибыли два или три гостя и квартет музыкантов, которые оказались участниками Регионального оркестра Южного острова. Руперт старательно представил остальным гостям музыкантов – трех мужчин и одну даму, державшихся вместе и явно испытывавших благоговейный страх. Соммита, одетая в блестящий гладкий купальник, тактично прикрытый туникой, побеседовала с ними очень *de haut en bas*¹⁸, а потом завладела Аллейнами, в особенности Трой: крепко взяв ее за руку, она подвела ее к двухместному дивану под балдахином и не отпустила ее руку даже после того, как они сели. Трой все это казалось ужасно неловким, но, по крайней мере, это дало ей возможность заметить выраженно асимметричное строение лица Соммиты: расстояние между углами тяжелого рта и уголками горящих глаз было больше с левой стороны. Верхняя губа была чуть темнее и слегка отличалась цветом от нижней. Для Кармен лучшего лица и не придумаешь, решила Трой.

Соммита говорила об ужасном письме и подделанной фотографии, о том, что эти происшествия с ней сделали, и как ее потрясло то, что деятельность этого мерзкого фотографа – ибо за всем этим стоит именно он – докатилась и до Новой Зеландии и даже до острова, на котором она наконец-то почувствовала себя в безопасности от его преследований.

– Но ведь это всего лишь газета, – заметила Трой. – Ведь его самого здесь нет. Вы не думаете, что теперь, когда ваши выступления в Австралии закончились, он вполне мог отправиться в свою родную страну, где бы она ни была? Может быть, это письмо было его последней попыткой? Вы уехали, он больше не мог вас фотографировать и поэтому состряпал это письмо.

Соммита так долго и пристально смотрела на нее, что Трой начала испытывать неловкость; потом сжала ее пальцы и отпустила ее руку. Трой не знала, как следует понимать этот жест.

– Но, – сказала Соммита, – мы ведь должны поговорить о вашей живописи, разве нет? И о портрете. Мы начнем послезавтра, да? И я надену свое алое платье с декольте, которое вы еще не видели. Оно от Ив Сен-Лорана, и оно сенсационное. А поза – вот такая.

Она вскочила, закинула роскошную правую руку за голову, левую ладонь положила на бедро, откинула голову назад и в духе испанских танцовщиц мрачно уставилась на Трой из-под нахмуренных бровей. Эта поза щедро открывала взору ее фасад и обличала всю лживость намеков на пластическую хирургию.

– Думаю, – сказала Трой, – эту позу будет трудновато сохранять. И если можно, я хотела бы сделать несколько рисунков в качестве разминки. Без позирования. Просто небольшие наброски. Вот если бы мне можно было незаметно находиться рядом и набросать кое-что углем.

– Да? А! Хорошо. Сегодня днем будет репетиция. Это будет только подготовка к вечерней генеральной репетиции. Вы можете присутствовать. Но должны быть очень незаметны, вы понимаете?

– Идеально. Это мне отлично подходит.

– Мой бедный Руперт, – внезапно провозгласила Соммита, снова вперив в Трой тот же тревожный взгляд, – нервничает. Он чувствителен, как истинный артист, у него творческий темперамент. Он натянут, словно скрипичная струна.

Она что-то подозревает, подумала Трой. Она пытается что-то у меня выведать. Черт.

– Могу себе представить.

– Уверена, что можете, – сказала Соммита с нажимом, который показался Трой более чем многозначительным. – Руперт, дорогой, – позвала она его, – если твои друзья готовы, то может, пора показать им...

Музыканты торопливо допили свои бокалы и объявили, что они готовы.

¹⁸ Свысока (фр.).

– Пойдемте! – пригласила Соммита, внезапно превратившись в само оживление и веселость. – Сейчас я покажу вам наш музыкальный салон. Кто знает, может, там вы, как и мы, найдете вдохновение. Мы также возьмем с собой нашего великого отгадчика, который спасет меня от моих преследователей.

Она потащила Трой к Аллейну и изложила ему это предложение. При этом она вела себя так, словно намекала на приятную возможность с его стороны попытаться соблазнить ее при первой же возможности.

– Так вы пойдете в салон, – спросила она, – чтобы услышать музыку?

Произнесенное бархатным голосом слово «музыка» было наполнено практически тем же смыслом, что и слово «фарфор» в «Деревенской жене»¹⁹.

Трой поспешила за своим альбомом для набросков, углем и карандашом Конте²⁰. Аллейн дождался ее, и они вместе пошли в музыкальный салон.

В комнату вели двойные двери, расположенные в дальней части главного холла. Как однажды заметил мистер Руби, она больше походила на небольшой концертный зал, чем на обычную комнату. Было бы утомительно вновь и вновь говорить о помпезности Уэйхоу Лодж; достаточно сказать, что один конец этой огромной комнаты занимала сцена, к которой вели три широкие ступени: сначала на авансцену, а потом на основную часть. На заднем плане симметрично располагались прекрасные колонны, обрамляющие занавешенные двери. Музыканты столпились у рояля, стоявшего в зрительном зале в углу авансцены. Они настраивали инструменты; выглядевший больным Руперт был с ними. Вошли певцы и сели рядом в зрительном зале.

В Соммите произошла перемена: теперь у нее был вид человека, находящегося в своей профессиональной среде и относящегося к этому серьезно. Она была погружена в беседу с Романо, когда вошли Аллейны. Она увидела их и указала им на стулья в середине зала. Затем сложила руки и встала лицом к сцене. Время от времени она сердито выкрикивала указания. Словно по указанию театрального режиссера, ее нашел луч света, проникший в открытое окно. Эффект был поразительный. Трой принялась рисовать.

Маленький оркестр заиграл, сначала неуверенно и с остановками, во время которых они консультировались с Рупертом Бартоломью, затем с другими солистами, повторяя отдельные пассажи и внося изменения. Наконец Соммита сказала:

– Возьмем арию, дорогой, – и вылетела на середину сцены.

Руперт стоял спиной к залу и лицом к музыкантам. Он по традиции задал им ритм. Они заиграли, но их остановила Соммита:

– Больше властности! Мы должны вступить словно лев. Еще раз.

Руперт мгновение подождал. Трой видела, что он сжал левую руку так сильно, что побелели костяшки. Он откинул голову назад, поднял правую руку и громко отбил ритм. Короткое вступление сыграли во второй раз гораздо более убедительно, и когда оно достигло чего-то вроде кульминации, весь мир наполнился одним-единственным звуком.

– Ах! – пропела Соммита. – *А-а-ах! Какая радость здесь, какой покой и изобилие!*

Поначалу невозможно было подвергнуть сомнению это великолепие – настолько поразительным был звук ее голоса, в столь полной мере она им владела. Аллейн подумал: возможно, не имеет значения, что именно она поет. Возможно, она могла бы петь «*Пчела-а-а се-е-ла на сте-е-ну-у-у*» и извлекать из этого чистую магию. Но прежде чем ария закончилась, он осознал, что, даже не будучи предупрежденным, понял бы, что в музыкальном смысле это не бог весть что. Ему показалось, что он может различить некоторые клише и банальности. А слова!

¹⁹ Комедия эпохи Реставрации авторства драматурга Уильяма Уичерли (1640–1715). В одной из ключевых сцен, построенных на стилистическом приеме двусмысленности, слово «фарфор» употребляется в значении «совокупление».

²⁰ Мелок или карандаш на основе искусственного графита, немного напоминает уголь.

Он считал, что в опере они не имеют особого значения, но ему пришло в голову, что более уместно было бы спеть «Какая радость здесь, какой покой и тривиальность!».

Трой сидела через два ряда от Аллейна, затаив дыхание и делая наброски углем. Он видел, как из-под ее руки появляются похожие на изгибы кнута линии, запрокинутая голова и широко открытый рот. Совсем не похоже, что Соммита зевает, подумал он, вспомнив об их шутке; сам рисунок пел. Трой вырвала лист из альбома и начала новый набросок. Теперь ее модель говорила с оркестрантами, жадно и с уважением слушавшими ее, и Трой изобразила их свойственной только ей графической скорописью.

Если Бартоломью был прав, считая, что музыканты обнаружили несостоятельность его музыки, то Соммита заставила их принять ее; интересно, подумал Аллейн, удастся ли ей все-таки пронести эту магию через все представление и сохранить лицо бедняги Руперта.

Вдруг на плечо Аллейна легла рука. Он повернул голову и увидел рядом с собой бесстрастное лицо мистера Рееса.

– Не могли бы вы выйти? – очень тихо спросил он. – Кое-что произошло.

Когда они выходили, Соммита и Родольфо Романо начали петь свой дуэт.

Слуга, который приносил Аллейнам завтрак, был в студии и выглядел встревоженным и виноватым.

– Это Марко, – сказал мистер Реес. – Он сообщил об инциденте, о котором, я думаю, вам следует знать. Расскажи старшему суперинтенданту Аллейну в точности то, что ты рассказал мне.

Марко слегка испугался, услышав чин Аллейна, но изложил свою историю вполне внятно, и в ходе рассказа, казалось, вновь обрел уверенность. Он бурно жестикулировал, как все итальянцы, но говорил почти без акцента.

Он рассказал, что его послали в вертолетный ангар, чтобы принести оттуда ящик привезенного накануне вина. Он вошел через боковую дверь, и, открыв ее, услышал какую-то возню в ангаре. Послышался безошибочный звук убегающих ног.

– Кажется, сэр, я сказал «Эй», или что-то в этом духе, когда открыл дверь пошире. Я успел увидеть мужчину в плавках, который выбежал из открытого конца ангара. Там не очень много места, когда там стоит вертолет. Мне пришлось оббежать вокруг хвоста, и когда я выбежал из ангара, этого человека уже не было.

– Ангар, разумеется, выходит на расчищенную площадку для взлета, – заметил Аллейн.

– Да, сэр. И окружен лесом. Удобный подход идет вокруг дома к фасаду. Я пробежал по нему футов шестьдесят, но там никого не было видно, и я вернулся и осмотрел подлесок. Он сильно разросся, и я сразу понял, что человек не мог пробраться через него, не наделав шума. Но ничего не было слышно. Я посмотрел кругом, на случай если он лег на землю, а потом вспомнил, что на противоположной стороне площадки есть еще одна тропа через кусты, которая ведет к озеру. И я пошел туда. Но результат тот же: ничего. То есть, сэр, – поправил себя Марко, и на его лице появилось выражение удовлетворения, если не самодовольства, – я говорю «ничего», но это не совсем правильно. Кое-что было. Лежало у тропы. Там было вот это.

С прекрасным умением выбрать момент он протянул руку. На раскрытой ладони лежала маленькая круглая крышка, то ли металлическая, то ли пластиковая.

– Используют для защиты линзы, сэр. Это от фотоаппарата.

III

– Не думаю, – сказал Аллейн, – что нам стоит делать скоропалительные тревожные выводы, но за этим, разумеется, нужно будет проследить. Полагаю, – сухо добавил он, – что все, касающееся фотографии – щепетильная тема в этом доме.

– И на то есть причины, – кивнул мистер Реес.

– Несомненно. Итак, Марко. Вы очень четко рассказали нам о том, что произошло, и вы, наверное, сочтете меня безосновательно требовательным, если мы пройдемся по вашему рассказу еще раз.

Марко развел руками.

– Тогда первое: этот мужчина. Вы уверены, что это не был один из гостей или кто-то из персонала?

– Нет, нет, нет, нет, нет, – быстро заговорил Марко, тряся из стороны в сторону пальцем, словно его ужалила оса. – Невозможно. Нет!

– Или, к примеру, рулевой катера?

– Нет, сэр. Нет! Никто из этого дома. Я уверен. Я готов поклясться.

– Волосы темные или светлые?

– Светлые. Он был без головного убора. Точно блондин.

– Обнаженный до пояса?

– Конечно. Разумеется.

– И у него даже фотоаппарат не был перекинут через плечо?

Марко закрыл глаза, соединил кончики пальцев и прижал их ко лбу. Он оставался в таком положении несколько секунд.

– Ну так что? – спросил мистер Реес с некоторым нетерпением.

Марко открыл глаза и разъединил пальцы.

– Он мог быть у него в руках, – сказал он.

– Эта тропа. Удобный подход от фасада дома к ангару. Насколько я помню, он идет мимо окон концертного салона?

– Конечно, – сказал мистер Реес и слегка кивнул Аллейну. – И сегодня они не были зашторены.

– И были открыты?

– И были открыты.

– Марко, – спросил Аллейн, – а вы в какой-то момент не слышали, что происходит в концертном салоне?

– Ну да! – вскричал Марко, воззрившись на него. – Мадам, сэр. Мадам пела. Ангельским голосом.

– А!

– Она еще пела, сэр, когда я вернулся на площадку.

– После того, как вы нашли эту крышку, вы пошли к озеру?

– Не совсем к озеру, сэр, но я достаточно далеко вышел из леса, чтобы понять, что там его нет. А потом я подумал, что мне не следует идти дальше, а следует немедленно сообщить мистери Реесу. И я так и сделал.

– И поступили очень правильно.

– Благодарю вас, сэр.

– А я, – сказал мистер Реес, – отправил нескольких человек и большинство гостей обыскать территорию.

– Если я правильно помню, – протянул Аллейн, – в том месте, где Марко вышел из леса, довольно небольшое расстояние от острова до того лесистого участка, который выдается от большой земли в сторону острова, и который связан с ним линиями электропередач.

– Вы хотите сказать, что он мог переплыть это расстояние? – спросил мистер Реес.

– Нет, сэр, – вмешался Марко. – Невозможно. Я бы его увидел. – Он умолк, а потом спросил изменившимся голосом: – Или не увидел бы?

– Если он на острове, его найдут, – холодно сказал мистер Реес. Затем он обратился к Аллейну: – Вы были правы, сказав, что нам не стоит придавать этому инциденту слиш-

ком большое значение. Возможно, окажется, что это какой-нибудь молодой хулиган или еще кто-нибудь с фотоаппаратом. Но происшествие досадное. Белла очень расстроена проделками этого Филина. Если она узнает об этом, то может начать воображать себе всякое. Я предлагаю ничего не говорить об этом гостям и артистам. Вы слышали, Марко?

Марко всем своим видом выразил согласие.

Аллейн подумал, что если на территории острова проходит совершенно несоординированный поиск, то шансы на сохранение этого происшествия в секрете минимальны. Но сейчас, напомнил он себе, всеобщее внимание приковано к репетиции.

Когда Марко ушел, мистер Реес сказал тоном более доверительным, чем можно было от него ожидать:

– Что вы обо всем этом думаете? Просто хулиганское вторжение какого-то хама или что-то еще?

– Не могу сказать. А в Новой Зеландии широко известно, что мадам Соммита гостит у вас?

– О да. Мы стараемся перехитрить прессу, но в этом никогда невозможно полностью преуспеть. Это стало известно. В газетах были статьи и про сам дом, и есть журналисты, которые пытаются подкупить рулевого, чтобы он перевез их на остров. Он получает абсурдно высокую зарплату, и у него хватает здравого смысла им отказывать. Должен сказать, – доверительно сообщил мистер Реес, – это было бы вполне в духе одного из этих людей пробраться сюда любым способом – например, переплыть озеро. Наверное, ангар был бы подходящим местом, чтобы спрятаться.

– Оттуда он бы услышал репетицию.

– Именно так. И дождался бы возможности выйти и сделать фотографию через открытое окно. Это возможно. Если только, – сказал мистер Реес и стукнул правым кулаком по левой ладони, – если только этот мерзкий Филин снова не принялся за свое. Что угодно, только не это.

– Расскажите мне, пожалуйста, кое-что о вашем персонале. Вы сказали, чтобы я действовал как представитель полиции, и это был бы один из стандартных вопросов.

– Нед Хэнли ответил бы вам лучше, чем я, он об этом больше осведомлен. Он приехал сюда из Австралии и сам всем занимался. Один слишком амбициозный отель прекратил свое существование, и он нанял оттуда восемь человек и экономку на то время, что мы будем пользоваться домом. Марко не был одним из этих восьми, но насколько я понимаю, у него были отличные рекомендации. Нед вам расскажет.

– Он, конечно, итальянец?

– О да. Но с австралийским гражданством. Он только что раздул целую историю из этого происшествия, но, думаю, от сути событий он не отклонился. Надеюсь, что гости и артисты, если эта история все-таки до них дойдет, не станут делать скоропалительных истеричных выводов. Может быть, стоит непринужденно рассказать о том, что мы поймали парня, который переплыл озеро, и вытолкали его в шею? Что думаете?

Прежде, чем Аллейн успел ответить, открылась дверь и вошел синьор Беппо Латтѐнцо. Его безупречные белые шорты и шелковая матроска были в полном беспорядке, и он обильно вспотел.

– Мои дорогие! – воскликнул он. – Драма! Охота началась. Сама Гончая Небес²¹ не могла бы быть более старательной. – Он рухнул в кресло и принялся обмахиваться ладонью с растопыренными пальцами. – «Над холмами, над долами, сквозь терновник, по кустам»²², как говорила прилежная фея, и как говорю я. Так приятно быть «прилежной феей», – тяжело дыша, жеманно выговорил синьор Латтѐнцо.

²¹ «Гончая Небес» (англ. *The Hound of Heaven*) – поэма английского поэта Фрэнсиса Томпсона (1859–1907).

²² У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», акт II, сцена I (пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник).

– Ну и как? – спросил Аллейн.

– Ничегошеньки. Преданная Мария, мой дорогой Монти, просто неудержима. Бегала по лесу не хуже нас. Свою сетку для волос она оставила как жертвоприношение по обету на переплетенных колючках куста, который, как мне сообщили, прозван «Лесным адвокатом»²³.

Синьор Латтѐнцо любезно улыбнулся мистеру Реесу и бесстыдно подмигнул Аллейну.

– Это, – заметил он, – не порадует нашу диву, да? И если уж говорить о гончих и настойчивости, то как насчет неустрашимого Филина? Какое рвение! Какая преданность делу! Убеги она даже к далеким антиподам, затаись она, так сказать, на волшебном острове (и добавлю, с величайшим комфортом), он разнюхает, где она. Можно лишь аплодировать ему. Признай это, дорогой Монти.

– Беппо, нет причин считать, что этот Филин как-то причастен к произошедшему, – возразил мистер Реес. – Это нелепая идея, и мне совершенно не хочется, чтобы Белла втемяшила это себе в голову. Это самое обычное происшествие с участием какого-нибудь местного хама, так что нечего раздувать из этого смехотворную драму. Ты, как никто другой, отлично знаешь, что она может отреагировать слишком остро, и после вчерашнего потрясения я в самом деле должен просить тебя проявить крайнюю осторожность.

Синьор Латтѐнцо вытер пот под левым глазом. Он подышал на свой монокль, протер его и посмотрел в него на хозяина дома.

– Ну конечно, мой дорогой Монти, – спокойно сказал он. – Я понимаю. Прекрасно понимаю. Не было никакого фотографа. Хлоп! И он испарился. А теперь...

Дверь распахнулась и широким шагом в комнату вошел Бен Руби. У него тоже был измученный вид.

– Послушай, Монти! – закричал он. – Что это, черт подери, за идея? Эти твои слуги все как один говорят, что чертов Филин снова объявился, и что нужно вызывать полицию. Что происходит?

IV

Бледный от досады мистер Реес собрал в кабинете всю прислугу, включая водителя и рулевого. Аллейн, которого попросили остаться, восхитился тем, как была организована эта сцена, и абсолютным авторитетом, которым, по-видимому, обладал мистер Реес. Он повторил объяснение, о котором они договорились: изложил им теорию о вторгшемся на территорию дома нахале и полностью раскритиковал идею о появлении Филина.

– Забудьте об этой идиотской идее, пожалуйста, – холодно сказал мистер Реес и многозначительно посмотрел на Марию. – Вы понимаете? Вы не должны говорить об этом мадам. – Он добавил несколько слов по-итальянски; Аллейн был не очень силен в этом языке, но решил, что прозвучала угроза немедленного увольнения, если Мария не подчинится приказу.

Мария, плотно сжимавшая губы, сверкнула глазами на мистера Рееса и пробормотала что-то неразборчивое. После этого всех отпустили.

– Шансов у тебя немного, – сказал Бен Руби. – Они все равно разболтают.

– Они будут вести себя как следует. Возможно, за исключением этой женщины.

– Да, непохоже было, что она готова сотрудничать.

– Ревнует.

– А! – воскликнул синьор Латтѐнцо. – Классический случай: госпожа и камеристка. Белла, несомненно, многое ей доверяет.

– Без сомнения.

²³ Австрал. англ. *bush lawyer* – человек, заявляющий о наличии знаний в юриспруденции или других областях, но не обладающий достаточной для этого квалификацией.

– Что ж, сейчас она ничего не сможет ей сказать. *Ripetizione*²⁴ все еще идет полным ходом.

Бен Руби открыл дверь. Из дальнего конца холла, из-за стены концертного салона доносилось пение, которое словно бы возникало из ниоткуда; оно было бесплотным, как будто исходило из противоположного конца какого-то слухового телескопа. Над тремя непримечательными голосами парил несравненный четвертый.

– Да, – сказал синьор Латтвенцо, – это *ripetizione*, и они добрались только до квартета – всего треть оперы. Они сделают перерыв на обед в час тридцать, а сейчас двадцать минут первого. Пока что мы в безопасности.

– Я бы на это не рассчитывал, – покачал головой Бен Руби. – Она любит, когда Мария у нее под рукой на репетициях.

– Если вы не возражаете, – сказал Аллейн, – я думаю, мне стоит немного осмотреться.

Трое мужчин минуту молча смотрели на него. Затем мистер Реес встал.

– Вы ведь не верите, что... – начал он.

– О, нет-нет. Но мне пришло в голову, что можно найти что-нибудь, что подтвердит теорию о гадком нахале.

– Что, например? – спросил Бен Руби.

– Что-нибудь, – беззаботно сказал Аллейн. – Никогда не знаешь, что попадется. Иногда случаются неожиданные находки. Как и вы, я не особенно на это рассчитываю.

И прежде, чем кто-то из них нашелся с ответом, он вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Аллейн вышел из дома через главный вход, повернул налево и прошел по засыпанной гравием площадке перед домом до дорожки, которая огибала фасад с запада. Он пошел по ней; звуки музыки и пения, прерываемые обсуждениями и повторениями коротких отрывков, становились все громче. Вскоре он дошел до окон концертного салона и увидел, что одно из них, первое, все еще открыто. Оно находилось дальше всего от сцены, которую закрывала штора, подвешенная на шарнирном кронштейне.

Он подобрался поближе. Совсем близко находилось то место, где стояла Соммита, которая, сложив руки, руководила певцами. И там же, на прежнем месте, сидела его жена, склонившаяся над альбомом для набросков; волосы ее были взъерошены, плечи ссутулены. Она по-прежнему усердно работала. Ее модель была вне поля зрения – она разглагольствовала, обращаясь к оркестрантам, и из-под испачканной углем руки Трой продолжали появляться наброски. Она использовала карандаш Конте, и линии, которые она рисовала, иногда весьма выразительные, иногда очень тонкие и деликатные, напоминали движения умело водящего смычком скрипача.

Трой положила рисунки на пол, оттолкнула их ногой и уставилась на них, покусывая костяшки пальцев и сердито хмурясь. Затем она подняла глаза и увидела мужа. Он скорчил гримасу, прижал палец к губам и скрылся из виду.

Аллейн постарался не наступить на узкую полоску земли, отделявшую дорожку от стены дома, и теперь, присев, смог внимательно ее осмотреть. На нее недавно наступили несколько человек. Черт бы побрал этот поисковый отряд!

Он пошел дальше по дорожке, миновав садовую скамейку и стараясь держаться как можно дальше от окон. В зарослях папоротника и кустарника справа тут и там были сломаны ветки – Аллейн предположил, что это последствия охоты, которая успешно уничтожила любые признаки тайного присутствия незваного гостя. Вскоре дорожка отклонилась от стены дома, нырнула в лес и вывела его к ангару.

Там обнаружилось множество следов деятельности Марко. Злоумышленник срезал путь по земле, которая явно была сырой, и Аллейн смог проследить его передвижение по заасфальтированному полу ангара именно так, как описал Марко.

²⁴ Репетиция (*ит.*).

Аллейн пересек раскаленную полуденным солнцем посадочную площадку. Звуки, доносившиеся из музыкального салона, стали тише. Птиц не было слышно. Он нашел тропу, ведущую через лес к озеру, и пошел по ней; за его спиной сомкнулись темные деревья, и его окружил уже знакомый запах мокрой земли и мха, напоминающий запах оранжереи.

До озера было совсем недалеко, и вскоре лес начал редеть и пропускать солнечные лучи. Должно быть, где-то здесь Марко и нашел защитную крышку для объектива. Аллейн вышел на открытое пространство; берег острова, озеро и линии электропередач, тянущиеся к дальнему берегу, находились там же, где он их помнил со времени утренней прогулки.

Аллейн некоторое время постоял у края воды. Солнце, беспощадно светившее прямо на его макушку, делало весь пейзаж каким-то выбеленным, почти лишенным цвета. Он рассеянно сунул руку в карман, чтобы достать трубку, и рука его коснулась маленького твердого предмета. Это была крышка для объектива, завернутая в носовой платок. Он достал ее и развернул, стараясь не касаться поверхности пальцами – тщетная предосторожность, подумал он, после того как она побывала в руках Марко.

Крышка была от известной модели японских фотоаппаратов, которые делали мгновенные самопроявляющиеся снимки. На внешней части было название фирмы «Кото». Он снова завернул крышку в платок и убрал в карман. Как правило, в сыскной работе он не слишком рассчитывал на вдохновение, но если оно когда и посещало суперинтенданта, то именно сейчас у озера.

Глава 4. Спектакль

Рано утром на следующий день погода изменилась. С северо-запада подул ветер, но не сильный и не постоянный; скорее он ощущался как периодические потоки более прохладного воздуха на лице и как легкое шевеление деревьев вокруг дома. На небосклон вторглись надвигающиеся облака; они множились и громоздились в небе башнями и замками. Поверхность озера перестала быть гладкой и покрылась рябью. Мелкие волны мягко набегали на берег.

На протяжении всего утра через разные промежутки времени прибывали новые гости: некоторые прилетели charterным рейсом в ближайший аэропорт и добрались до острова на вертолете, некоторые прибыли на поезде, а затем на машине; автобус привез целую диаспору музыкальной интеллигенции из среды аборигенов. Катер то и дело сновал по озеру туда-сюда.

Прибыл настройщик роялей; было слышно, как он проверяет отдельные ноты, но немусыкальному уху казалось, что высота их совершенно не изменяется.

Сэр Дэвид Баумгартнер, выдающийся музыковед и критик, должен был остановиться в доме с ночевкой вместе с неким доктором Кармайклом, знаменитым консультантом, являвшимся, кроме того, президентом Новозеландского филармонического общества. Всем остальным предстояло провести долгие мрачные часы на катере, в автобусах и автомобилях, и к середине утра вернуться в свои дома в Кентерберри²⁵, очень устав и пережив настоящее потрясение.

Что касается того, как гости отнесутся к столь значительному напряжению, то Соммита считала, что предстоящее зрелище приведет их в такой восторг, что они совершенно забудут о физических неудобствах. Пока что она велела всем гостям собраться перед домом, чтобы Бен Руби сделал общую фотографию. Все повиновались, поеживаясь от прохладного воздуха под низким небом.

– Все смотрим и улыбаемся в камеру, – попросил мистер Руби.

Соммита не пришла на обед – сказали, что она отдыхает. В целом обед прошел тихо и спокойно. Даже синьор Латтвенцо не особо старался его оживить. Руперт Бартоломью ничего не ел, на лице его застыло страдальческое выражение; он пробормотал что-то о том, что нужен в музыкальном салоне, извинился и вышел. Мистер Реес вел неуклюжую светскую беседу с Трой; Аллейн, сидевший рядом с мисс Хильдой Дэнси, старался как мог. Он спросил ее, считает ли она премьерные спектакли трудным испытанием, на что она ответила вибрирующим контральто: «Только если это важная премьера», явно намекая на то, что нынешний спектакль таким не является. После ухода Руперта она прошептала: «Это просто позор».

– Позор? – рискнул переспросить Аллейн. – В каком смысле?

– Увидите, – предсказала она. – Это людоедство! – добавила она, одарила суперинтенданта мрачным взглядом, который он не смог истолковать, хотя решил, что почти догадался о его значении, и после этого не проявила никакого желания вести дальнейшую беседу.

После ланча Аллейны поднялись наверх, в студию, где он рассказал жене историю о вторжении неизвестного и о крышке от объектива. Когда он закончил, Трой обдумала услышанное и спросила:

– Рори, ты думаешь, он все еще на острове? Этот фотограф?

– Фотограф? Да, – сказал он, и что-то в его голосе заставило ее очень внимательно на него посмотреть. – Думаю, фотограф здесь. Сейчас расскажу почему.

И он рассказал.

Остаток дня Трой провела, задумчиво разглядывая свои рисунки, и сделала еще несколько набросков. Время от времени до нее доносились звуки прибытия очередных гостей.

²⁵ Крупнейший по территории регион Новой Зеландии.

Пейзаж за окном постепенно темнел, а лес на дальнем берегу шевелился, словно его гладила невидимая рука.

– Тем, кто прибудет на катере, предстоит беспокойная переправа, – сказал Аллейн.

Вертолет с шумом приземлился на площадке и выпустил из своих недр импозантную фигуру в черном пальто и шляпе.

– Сэр Дэвид Баумгартнер, не иначе, – прокомментировал Аллейн, не отрываясь от окна, и добавил: – Трой, ты ведь видела меня за окном? Ведь ты бы наверняка заметила фотографа, если бы он снимал через это же окно?

– О нет, вовсе не обязательно. Я ведь работала.

– Так и есть, – согласился он. – Я, наверное, пойду взгляну.

Аллейн спустился в музыкальный салон. Там сейчас не было никого, кроме Хэнли, который, судя по всему, выступал в роли оформителя сцены: он наблюдал за работой трех нанятых электриков, которые занимались освещением, и, казалось, пребывал в состоянии контролируемого помешательства. Какой бы ни была погода снаружи, внутренний климат пронизывало электричество.

Аллейн услышал, как Хэнли требовательно спросил, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Ну и где он, черт побери? Он должен быть *здесь*. Никогда не видел ничего подобного.

Занавес, отделявший авансцену от основной сцены, был открыт, и игровую часть готовили к представлению. Между колоннами развесили голубую ткань, а центральный вход обрамляли два стилизованных снопа пшеницы. Три обильно задрапированных кресла завершали декорации.

Аллейн сел там, где ранее сидела занятая набросками Трой. Окно, о котором они говорили, все еще было открыто, портьера не задернута. Трой работала так сосредоточенно, что могла бы его не заметить, если бы он не перегнулся через подоконник.

Хэнли продолжал ругаться с электриками:

– Ну это же так просто. Вы разметили участки, где стоит мадам Соммита, и вы должны их осветить. Делайте свет ярче, когда она там, и слабее, когда она уходит. Больше никаких хлопот со светом не будет: все освещение останется таким, каким мы его установили. Зашторьте окна, и мы пройдемся от начала до конца еще раз. – Он наконец повернулся к Аллейну: – А вы видели Руперта? – спросил он. – Он должен был прийти сюда полчаса назад, чтобы дать указания по музыке. Все пошло к чертям во время генеральной репетиции. Честно говоря, это уже чересчур.

– Давайте я попробую его найти.

– Отлично, давайте, – радостно воскликнул Хэнли, а потом сделал отчаянную попытку вернуться к манерам секретаря: – Буду вам *очень* благодарен.

Аллейн подумал, что охота на несчастного Руперта может оказаться столь же бесплодной, как и охота на проблемного фотографа, но ему, если можно так выразиться, повезло с первой попытки: он нашел его в поражающем воображение кабинете мистера Рееса.

Интересно, посетители должны стучать, а может, даже заранее назначать встречу, прежде чем рискнуть войти в святая святых? Но Аллейн решил поступить как обычно – открыл дверь и вошел.

Вход был отгорожен от комнаты большой ширмой из кожи – работа модного декоратора. Войдя, Аллейн услышал голос мистера Рееса:

– ...напомнить вам о тех знаках расположения, которые вы получили от нее. И вот так вы решили отблагодарить ее за них: сделав из нее посмешище. Вы позволяете нам нанимать знаменитых артистов, отправлять приглашения, привозить через половину земного шара самых выдающихся людей, чтобы они послушали эту оперу, а теперь предлагаете сказать им, что представление все-таки не состоится, и что они могут возвращаться туда, откуда приехали.

– Я знаю. Неужели вы считаете, что я обо всем этом не думал? Вы думаете... Пожалуйста, пожалуйста, поверьте мне... Белла, я вас умоляю...

– Остановись!

Аллейн, стоявший за ширмой и уже собиравшийся уйти, резко остановился, словно этот приказ был обращен к нему. Это был голос Соммиты.

– Спектакль, – заявила она, – состоится. Скрипач вполне компетентен. Он возглавит оркестр. А ты, ты, который вознамерился разбить мне сердце, будешь сидеть и дуться в своей комнате. А когда все закончится, ты придешь ко мне со слезами раскаяния. Но будет слишком поздно. Слишком поздно. Ты убьешь мою любовь к тебе. Неблагодарный! – крикнула Соммита. – Трус! Вот!

Аллейн услышал ее властную поступь. У него не осталось времени, чтобы уйти, поэтому он бесстрашно вышел из-за ширмы и столкнулся с ней лицом к лицу.

Ее лицо могло бы послужить образцом для маски Фурии. Она сделала сложный и непонятный жест, и на секунду Аллейн подумал, что она внезапно его ударит, хоть он ни в чем и не виноват. Но оперная дива лишь схватила его за ворот пиджака, коротко и яростно изложила ему их затруднения и приказала привести Руперта в чувство. Увидев, что Аллейн колеблется, она встряхнула его, словно коктейль в шейкере, разрыдалась и удалилась.

Мистер Реес, с властным видом стоявший на ковре у камина, не пытался умерить гнев своей дамы, и догадаться о его реакции тоже было невозможно. Руперт сидел, схватившись руками за голову; на мгновение он поднял свое убитое горем лицо.

– Мне очень жаль, – сказал Аллейн, – я пришел сюда с совершенно несоответствующим ситуации сообщением.

– Не уходите, – попросил мистер Реес. – Сообщение? Для меня?

– Для Бартоломью. От вашего секретаря.

– Да? Ну тогда ему стоило бы его услышать.

Аллейн передал то, о чем его просил Хэнли: Руперт нужен, чтобы взглянуть на освещение.

– Вы это сделаете? Или мы слишком многого от вас ждем? – холодно спросил мистер Реес.

– Ну, что вы теперь думаете? Вы считаете, мне следует отказаться? – обратился к Аллейну Руперт, вставая.

– Не уверен, – ответил тот. – Здесь ведь конфликт лояльности, так?

– Я бы сказал, что любой вопрос лояльности касается только одной стороны, – вставил мистер Реес. – Кому он предан, если предаст своих покровителей?

– Ну, – сказал Аллейн, – своему искусству.

– Если верить ему, то никаким «искусством» он не владеет.

– Не уверен, – медленно протянул Аллейн, – что для принятия такого решения это имеет какое-то значение. Это вопрос эстетической целостности.

Руперт направился к двери.

– Куда это вы? – резко спросил мистер Реес.

– Заниматься установкой освещения. Я принял решение, – громко объявил Руперт. – Я больше не могу этого выносить. Прошу прощения, что причинил вам столько беспокойства. Я доведу дело до конца.

II

Когда Аллейн поднялся к себе в комнату в поисках Трой, он обнаружил ее крепко спящей в их огромной кровати. Не зная, чем себя занять, и беспокоясь по поводу внезапной капитуля-

ции Руперта Бартоломью, Аллейн снова спустился на первый этаж. Из гостиной и концертного салона доносились голоса. Снаружи поднялся сильный ветер.

На полпути через холл, напротив столовой, находилась дверь, ведущая, по словам мистера Рееса, в библиотеку. Аллейн решил, что возьмет себе там какую-нибудь книгу, и отправился туда.

Комнату словно создавал дотошный художник-декоратор эдвардианской драмы. От пола до потолка тянулись ряды унифицированных изданий в одинаковых переплетах – классика, биографии и книги о путешествиях; Аллейн предположил, что все они были заказаны оптом. Среди полок нашелся раздел с современными романами, совершенно нетронутыми, в девственно чистых обложках. Была там и подборка «высококачественных» изданий, под весом которых сломались бы стоявшие тут и там громоздкие журнальные столики; были и аккуратные стопки самых популярных еженедельных журналов.

Он в растерянности бродил вдоль стеллажей, пытаясь найти какую-нибудь интересную книгу, и в плохо освещенном углу наткнулся на книгу со следами пользования. Она была без суперобложки и с потертым корешком. Он достал ее с полки и открыл на титульной странице. *Il Mistero di Bianca Rossi*²⁶ Пьетро Лампарелли. Аллейн не читал по-итальянски с достаточной беглостью, которая сама по себе дарит удовольствие от легкости, но название его удивило и заинтриговало. Он перевернул страницу, и на форзаце увидел написанное угловатыми неровными буквами имя владельца: М. В. Росси.

Аллейн сел и принялся за чтение. Через час он поднялся в их комнату; Трой уже проснулась и выглядела отдохнувшей.

Опера, состоявшая из одного акта и длившаяся всего час, должна была начаться в восемь часов вечера. Перед началом представления обещались легкие закуски и напитки, а после состоится большой торжественный обед.

– Как думаешь, – спросила Трой, пока они переодевались, – примирение произошло?

– Понятия не имею. Может быть, она величественно примет его капитуляцию, а может, окажется не в состоянии лишиться себя возможности испытать бурлящие страсти. Но готов поспорить, что она слишком профессиональна, чтобы позволить себе расстраиваться перед выступлением.

– Жаль, что он сдался.

– Он стоял перед трудным выбором, дорогая.

– Наверное. Но если она действительно примет его назад... Это не очень приятная мысль.

– Не думаю, что он к ней вернется. Думаю, он соберет вещи и снова будет давать уроки игры на фортепиано, играть со своей маленькой группой в Сиднее и подрабатывать печатанием на машинке.

– Синьор Латтгенцо сказал, что в опере есть два-три многообещающих куска.

– Правда? Если он прав, то этой мегере тем более должно быть стыдно за то, что она сотворила с этим парнем.

После этого супруги немного помолчали, и Трой сказала:

– У нас открыто окно? Стало как-то прохладно.

– Я посмотрю.

Шторы уже были задернуты на ночь. Аллейн раздвинул их и обнаружил, что окно действительно открыто. Снаружи еще было светло. Ветер еще больше усилился, по небу тревожно неслись облака, и повсюду слышался какой-то неясный гул.

– Что-то на нас надвигается. На озере настоящий шторм. – Аллейн закрыл окно.

– Не повезло гостям, которым нужно будет возвращаться домой, – сказала Трой и добавила: – Я буду рада, когда эта вечеринка закончится, а ты?

²⁶ «Тайна Бьянки Росси» (ит.).

– Буду искренне рад.
– Наблюдать за суровым испытанием, выпавшим этому несчастному мальчику – все равно что сидеть на аутодафе.
– Хочешь, у тебя случится мигрень? Я расскажу об этом очень убедительно.
– Нет. Он догадается. И Соммита тоже.
– Боюсь, ты права. Ну что, дорогая, спустимся к шампанскому и закуским?
– Полагаю, да. Рори, по-моему, ты как-то забросил свою особую миссию. Ты случайно не считаешь мистера Рееса «крестным отцом», происходящим из сицилийской «семьи»?
– Он достаточно холоден и необщителен, чтобы оказаться кем угодно, но... – Аллейн заколебался. – Нет. Пока что мне не о чем сообщить начальству. Я и дальше буду пользоваться его гостеприимством, и несомненно, вернусь к своему чертову шефу с пустыми руками. У меня мало желания заниматься этим делом, это факт. Если бы не ты, моя необыкновенная девочка, и не твоя текущая работа, то желания было бы еще меньше. Пойдем.

Несмотря на отсутствие Руперта и артистов, в гостиной было полно народу. Разными видами транспорта на остров прибыли около тридцати гостей, и теперь их знакомили между собой мистер Реес и его секретарь. Тут были представители верхушки художественного совета, дирижеры и критики, среди которых следовало отдельно отметить авторитетное лицо из журнала *New Zealand Listener*. Среди прочих зарубежных гостей выделялся крупный румяный мужчина с полуприкрытыми глазами и диктаторским носом – сэр Дэвид Баумгартнер, знаменитый критик и музыковед. Он оживленно беседовал с синьором Латтеньцо, который при виде Аллейнов согнулся в преувеличенно низком поклоне, явно сообщил сэру Дэвиду, кто они такие, и повел его к супругам.

Сэр Дэвид сказал Трой, что для него встреча с ней – это большая честь и прекрасный сюрприз, и спросил, правда ли, что она будет писать Великолепную Даму. Он предсказуемо поддразнил Аллейна, сказав, что им всем придется не совать свой нос куда не следует. Затем серьезно рассказал о неудобствах, испытанных за время поездки: если говорить начистоту, то она свалилась на него в самое неподходящее время, и если бы это был любой другой человек – тут он бросил на них хитрый взгляд – то он бы и не подумал... в общем, и так понятно. Он явно намекал на то, что «Чужестранке» лучше бы оказаться хорошим произведением.

Гостям предлагали сэндвичи с лобстером, паштет и миниатюрные закуски, которые мистер Шеллоу²⁷ называл «разные разности»²⁸; шампанское лилось рекой. Сэр Дэвид сделал глоток, поднял брови, быстро осушил бокал и протянул его, чтобы наполнить снова. Точно так же поступали и все вновь прибывшие. Разговоры становились все громче.

– Предварительная подготовка, – пробормотал Аллейн.

И в самом деле, без десяти восемь у гостей испарились все следы усталости после долгого путешествия, и когда Марко, постоянно мелькавший тут и там, принялся звенеть в маленький ксилофон, ему пришлось делать это довольно долго, словно стюарду на корабле, который ходит по коридорам, созывая пассажиров на обед.

Бен Руби и мистер Реес начали тактично подталкивать гостей ко входу в музыкальный салон.

Двери были распахнуты. Публика стала рассаживаться по местам.

На креслах в передних рядах были разложены таблички с именами гостей дома и некоторых вновь прибывших, которых, очевидно, считали важными персонами. Трой и Аллейн сели слева от пустовавшего места мистера Рееса, сэр Дэвид и синьор Латтеньцо – справа от него, за ними расположился Бен Руби. Прочая элита состояла из дирижера филармонического оркестра Новой Зеландии и его жены, трех профессоров музыки из трех университетов, австра-

²⁷ Роберт Шеллоу, персонаж пьесы У. Шекспира «Генрих VI».

²⁸ «Генрих VI», часть вторая, акт V (пер. с англ. В. Морица, М. Кузмина).

лийского газетного магната и четырех представителей прессы – какой именно, не уточнялось. Оставшиеся зрители в количестве примерно пятидесяти человек сами выбрали себе места, а позади них по феодальной традиции расположился домашний персонал.

Голоса звучали громко и оживленно, и в салоне установилась атмосфера ожидания.

– Только бы они продержались, – прошептала Трой Аллейну. Она взглянула вбок на синьора Латтгенцо. Тот скрестил руки на груди и склонил голову к сэру Дэвиду, который излучал оживление и добродушие. Латтгенцо бросил взгляд исподлобья, увидел Трой и скрестил пальцы правой руки.

Вошли музыканты и стали настраивать инструменты; этот звук всегда заставлял Трой затаить дыхание. Свет в салоне погас. Занавес на сцене мягко засветился. Мистер Реес проскользнул на свое место рядом с Трой. Руперт Бартоломью вышел из-за кулис так незаметно, что успел поднять дирижерскую палочку прежде, чем его заметили. Началась увертюра.

Трой всегда жалела, что мало знает о музыке и не всегда понимает, почему одни звуки трогают ее, а другие оставляют равнодушной. Этим вечером она испытывала слишком сильную тревогу, чтобы слушать внимательно. Она пыталась уловить реакцию публики, смотрела на спину Руперта и пыталась понять, удастся ли ему извлечь какую-то магию из исполнения музыкантов, и даже задавала себе вопрос: как долго продлится подогретое шампанским эфемерное благодушие тех слушателей, кто разбирается в музыке. Ее настолько сильно отвлекли эти раздумья, что момент, когда поднялся занавес, застал ее совершенно врасплох.

Трой воображала себе самые ужасные вещи: что Руперт сорвется и уйдет со сцены, погубив все представление; что он остановит музыкантов и обратится к публике; или что сама публика все больше начнет впадать в беспокойство или безразличие, и спектакль окончится при жидких аплодисментах, а разъяренная Соммита обратится к зрителям с гневной речью.

Ничего из этого не случилось. По мере развития действия оперы благодушный настрой зрителей и в самом деле стал более прохладным, но потрясение от этого Золотого Голоса и изумление, которое он вызывал каждой пропетой нотой, были столь велики, что места для критики не осталось. И был даже пассаж в дуэте «Уйдешь ли ты» с Хильдой Дэнси – по крайней мере, так показалось Трой – когда музыка внезапно стала настоящей. Она подумала: это один из тех кусков, которые имел в виду синьор Латтгенцо. Она посмотрела на него, он поймал ее взгляд и кивнул.

Сэр Дэвид Баумгартнер, чей подбородок покоился на жабо рубашки, придавая его лицу вид глубокой сосредоточенности, поднял голову. Мистер Реес, сидевший очень прямо, незаметно поглядел на часы.

Дуэт завершился, и внимание Трой вновь рассеялось. Костюмы у артистов были хорошие: второстепенные персонажи были в сдержанных библейских одеяниях, взятых напрокат у новозеландской труппы, которая недавно снова поставила Йоркский цикл²⁹. Одеяние Соммиты, сшитое специально для этого случая, было белым и непорочным, и если костюмер задумывал его как способ заставить Руфь выглядеть бросающимся в глаза изгоем в чужой стране, то этой цели он вполне добился.

Начался и отзвучал квартет, не оставив от себя никаких впечатлений. Сэр Дэвид выглядел раздраженным. Соммита, оставшаяся на сцене в одиночестве, с жаром произнесла речитатив, а потом перешла к своей большой арии. Теперь Трой видела ее только в форме цвета, фиксируя ее в своей памяти, переводя ее образ на новый язык. Дива добралась до финальной *fioritura*³⁰, подошла ближе к краю сцены, подняла голову, раскинула руки и вознаградила их своим козырем – ля третьей октавы.

²⁹ Цикл из 48 пьес-мистерий о священной истории со Дня Творения до Судного дня, один из четырех почти полностью сохранившихся подобных циклов. Представления устраивались в английском городе Йорк с середины XIV века и до их запрета в 1569 году.

³⁰ Фиоритура (*ит. муз.*) – виртуозное мелодическое украшение с трелями и т. п.

Несомненно, она бы очень рассердилась, если бы зрители соблюли правило, говорящее о том, что нельзя аплодировать, пока не опустится финальный занавес. Они не стали его соблюдать и разразились маленькой бурей аплодисментов. Она предостерегающе подняла руку. Начиналась предпоследняя часть спектакля: слезливое прощание Руфь и синьора Романо – пухлого, одетого в складчатую блузу, с перехваченными ремешками ногами, похожего на Карузо на его поздних фотографиях. Появился Вооз, обнаружил их и приказал высечь сборщика колосьев. Руфь и Наоми умоляли Вооза смягчиться, что он и сделал, и опера закончилась несколько беглым всеобщим примирением в виде хора.

Чувство облегчения, которое Трой испытала, когда занавес опустился, было настолько сильным, что она обнаружила себя бешено аплодирующей. В конце концов все оказалось не так уж плохо. Ни один из тех ужасов, что она себе воображала, не случился, все закончилось, и все были в безопасности. Впоследствии, правда, она задавала себе вопрос: а не была ли вынужденная реакция публики вызвана теми же эмоциями.

Последовали три быстрых вызова на поклон. На первый вышла вся труппа, на второй – Соммита под жидкие одобрительные крики с задних рядов, на третий – снова Соммита, которая устроила привычное шоу с протянутыми руками, поцелуями пальцев и глубокими реверансами.

А затем она повернулась к оркестрантам, подошла к ним с вытянутой рукой и приглашающей улыбкой, и обнаружила, что ее жертва испарилась. Руперт Бартоломью исчез. Скрипач встал и едва слышно сказал что-то; похоже, он предположил, что дирижер за кулисами. Улыбка Соммиты застыла. Она помчалась к выходу в глубине сцены и исчезла. Смущенные зрители продолжали отрывочно хлопать, и эти аплодисменты почти стихли, когда она появилась вновь, ведя – вернее, почти таща за собой Руперта.

Он был всклокочен и бел как простыня. Когда она предъявила его публике, продолжая крепко держать за руку, он не выразил никакой признательности за аплодисменты, которые она вытребовала у зрителей. Они постепенно затихли, и воцарилась мертвая тишина. Она что-то прошептала, и этот звук повторился, расходясь гигантскими кругами: вокруг острова вздыхал северо-западный ветер.

Зрители испытывали крайнее замешательство. Какая-то женщина позади Трой сказала:

– Он плохо себя чувствует. Он сейчас потеряет сознание.

Зрители шепотом выразили свое согласие. Но Руперт не упал в обморок. Он резко выпрямился, посмотрел в пустоту и внезапно высвободил руку.

– Дамы и господа, – громко произнес он.

Мистер Реес принялся хлопать, к нему присоединились остальные зрители.

– Перестаньте! – крикнул Бартоломью.

Все перестали хлопать. И тогда он произнес свой монолог под занавес:

– Полагаю, я должен вас поблагодарить. Вы подарили свои аплодисменты Голосу. Это чудесный Голос, оскорбленный той чушью, которую ему пришлось петь сегодня. Ответственность за это лежит на мне. Мне следовало отказаться с самого начала, когда я понял... когда я впервые понял... когда я осознал...

Он слегка покачнулся и поднес руку ко лбу.

– Когда я осознал, – повторил он. А потом и в самом деле потерял сознание.

Занавес закрылся.

III

Мистер Реес отреагировал на катастрофу со знанием дела. Он встал, повернулся к гостям и сказал, что Руперт Бартоломью неважно себя чувствовал на протяжении нескольких дней, и несомненно, напряженная подготовка к спектаклю подорвала его силы. Он, мистер Реес, знает,

что все отнесутся к этому с пониманием; он попросил зрителей собраться в гостиной. Обед подадут, как только артисты смогут к ним присоединиться.

Гости покинули салон, а мистер Реес в сопровождении синьора Латтвенцо отправился за кулисы.

Проходя через холл, гости стали лучше понимать, что происходит снаружи: первым делом до них донеслись звуки непогоды – порывы сильного ветра, налетавшего через нерегулярные промежутки времени, дождь, а на заднем плане был слышен смутный плеск высоких волн; надвигалась сильная буря. Те из гостей, кому предстояло возвращаться в ночи на катере, автобусе и машинах, обменялись взглядами. Одна гостья, стоявшая у окна, раздвинула шторы и выглянула в окно; стекла были залиты дождем, барабанившим в окна. Она отпустила шторы, и на лице ее отразилась тревога. Сердечный мужской голос громко произнес:

– Не о чем беспокоиться. С ней все будет в порядке.

В гостиной вновь подавали шампанское и, по просьбе некоторых, более крепкие напитки. Начали входить артисты в сопровождении Хэнли, который оживленно переходил от одного гостя к другому.

– Занят своим делом, – заметил Аллейн, наблюдая за ним.

– Непростая у него задача, – сказала Трой и добавила: – Я хотела бы знать, как себя чувствует этот мальчик.

– Я тоже.

– Как думаешь, мы можем что-нибудь сделать?

– Давай спросим.

Хэнли увидел их, сверкнул обворожительной улыбкой и подошел.

– Мы пойдем в столовую прямо сейчас, – сказал он. – Мадам просит не ждать ее.

– Как Руперт?

– Бедняжка! Так жаль, правда? Все ведь прошло так хорошо. Он в своей комнате. Прилег, но чувствует себя вполне нормально. Просил его не беспокоить. С ним все будет в порядке, – бодро повторил Хэнли. – Нервное переутомление в чистом виде. А вот и гонг. Пожалуйста, подайте пример другим гостям. Большое вам спасибо.

Все снова прошли через холл. У самого входа, полуприкрытый объемистой скульптурой беременной женщины, чей хитрый эльфийский взгляд словно намекал на тайное свидание, незаметно стоял человек в штормовке, с которой лилась вода: это был рулевой Лес. Хэнли подошел к нему.

Мебель в столовой переставили: теперь к большому столу добавили два дополнительных по бокам, и получилась буква Е без средней палочки. Три центральных места за главным столом предназначались для Соммиты, хозяина дома и Руперта Бартоломью, но все они стояли незанятыми. У каждого прибора стояли карточки с именами, и Аллейны вновь оказались среди важных персон. На этот раз Трой посадили по правую руку от мистера Рееса, а справа от нее сидел синьор Латтвенцо. Аллейн сидел рядом с пустым стулом Соммиты, а слева от него усадили жену дирижера Новозеландской филармонии.

– Это восхитительно! – воскликнул синьор Латтвенцо.

– Да, в самом деле, – кивнула Трой, не в настроении шутить.

– Это я все устроил.

– Что вы сделали?

– Я переставил карточки. Вас хотели посадить рядом с новозеландским *maestro*, а меня – рядом с его женой. Она будет в восторге от компании вашего мужа и не станет обращать никакого внимания на собственного. Он будет в меньшем восторге, но тут уж ничего не поделаешь.

– Ну и нахальство, – фыркнула Трой. – Должна сказать...

– Я, как вы, британцы, выражаетесь, урвал себе самый лакомый кусок? Кстати, мне очень нужно подкрепиться. Это был весьма болезненный провал, не так ли?

– С ним все в порядке? Я, конечно, не знаю, что тут можно сделать, но с ним есть кто-нибудь?

– Я его видел.

– Правда?

– Я сказал ему, что он поступил мужественно и честно. Я также признался, что в опере был блестящий момент – в дуэте, когда мы с вами обменялись взглядами. Он переписал его после того, как я смотрел партитуру.

– Это ему наверняка помогло.

– Думаю да, немного.

– Вчера он довольно сильно нас встревожил, когда доверился нам, особенно Рори. Как вы думаете, может быть, Руперт хочет увидеться с ним?

– Надеюсь, сейчас он спит. Некий доктор Кармайкл осмотрел его, а я дал ему таблетку. Я как раз страдаю от бессонницы.

– А она спустится, вы не знаете?

– Насколько я понял со слов нашего доброго Монти, да. После этого фиаско она, кажется, не была уверена, какого рода истерику ей следует закатить. Очевидно, не было и речи о том, чтобы наброситься на все еще находящегося без сознания Руперта. Оставался поток сожалений и раскаяния, но полагаю, она не очень-то хотела в него погружаться, так как это указало бы на недостатки ее собственного поведения. Наконец, можно было изобразить обезумевшую любовницу. Озадаченная этим выбором, она разразилась потоком двусмысленных слез и, как выражаются в пьесах вашего Шекспира, удалилась наверх. В сопровождении Монти. К услугам мрачной Марии и с намерением вновь эффектно появиться с опозданием. Несомненно, можно ждать ее в любой момент. А пока что мы попробовали великолепную форель на гриле, а вот и курица в вине подоспела.

Но Соммита так и не появилась. Вместо этого появившийся в столовой мистер Реес сообщил, что примадонна очень расстроилась из-за обморока бедного Руперта Бартоломью, явившегося, несомненно, следствием нервного истощения, но она присоединится к ним немного позже. Затем он добавил, что с сожалением вынужден сообщить следующее: по словам рулевого, поднялся местный шторм под названием «Россер»; он будет усиливаться и, возможно, достигнет пика примерно через час, и тогда уже будет опасно добираться до большой земли. Ему крайне неприятно портить вечер, но, возможно, стоит...

Реакция была мгновенной. Гости, покончив с глазированными каштанами и выразив сожаление, объявили, что готовы уехать и толпой покинули столовую, чтобы подготовиться к поездке; среди этой толпы был и сэр Дэвид Баумгартнер, который изначально должен был остаться. Он объяснил, что у него намечалась важная встреча, и он не может рисковать тем, что пропустит ее.

В автобусе и машинах, ожидавших на другом берегу, было достаточно мест для всех гостей и артистов. Все, кто пожелает, могли провести остаток ночи в пабе, расположенном на восточной стороне перевала Корнишмен, и спуститься на равнину поездом на следующий день. Остальным предстояло ехать ночью, спускаясь на равнину и пересекая ее до конечных пунктов назначения.

Аллейны пришли к общему мнению, что сцена в холле напоминает час пик в лондонской подземке. Над всем витал дух срочности и плохо скрываемого нетерпения. Путешественники должны были отбыть двумя партиями по двадцать человек – большее количество катер не мог принять на борт. Кругом суетились слуги с плащами и зонтами. Мистер Реес стоял у дверей, повторяя не отличавшиеся оригинальностью слова прощания и пожимая гостям руки. Некоторые гости были настолько встревожены, что выражали свою благодарность за гостеприимство довольно небрежно, а некоторые и вовсе его проигнорировали, стараясь попасть в первую два-

дзатку отбывающих. Сэр Дэвид Баумгартнер в плаще с пелериной сидел в полном одиночестве на стуле привратника, и вид у него был очень сердитый.

Входные двери распахнулись, впустив в холл ветер, холод и дождь. Первые двадцать гостей вышли; их поглотила ночь, и двери захлопнулись за ними, словно за приговоренными – так подумала Трой, и ей не понравилось, что в голове родилась эта мысль.

Мистер Реес объяснил остальным, что до возвращения катера пройдет не меньше полу-часа, и предложил подождать в гостиной. Слуги подежурят и сообщат им, как только увидят огни возвращающегося катера.

Некоторые гости воспользовались этим предложением, но большинство остались в холле; они расселись у огромного камина или на расставленных тут и там стульях, расхаживали туда-сюда, заглядывали за оконные шторы и выныривали оттуда, напуганные тем, что не могли увидеть ничего, кроме залитых дождем стекол.

Эру Джонстон беседовал с тенором Родольфо Романо; их настороженно слушала небольшая группа музыкантов. Аллейн и Трой присоединились к ним. Эру Джонстон говорил:

– Это из тех вещей, которые бесполезно пытаться объяснить. Я родом с самого севера Северного острова, и слышал об этом островке только косвенно, от некоторых из наших, кто живет на побережье. Я забыл, от кого. Когда нас ангажировали на этот спектакль, я не связал одно с другим.

– Но это запретное место? – спросил пианист. – Это оно?

– В очень давние времена здесь был похоронен важный человек, – ответил Эру как будто неохотно. – Много лет спустя, когда пришли пакеха³¹, человек по имени Росс, старатель, приплыл на остров на лодке. Рассказывают, что поднялся местный шторм, и он утонул. Я не помню, – повторил Эру Джонстон глубоким голосом. – И вам советую забыть. С тех пор на острове было много гостей и много штормов...

– Отсюда и название – Россер? – спросил Аллейн.

– Похоже на то.

– Как долго он обычно продолжается?

– Мне говорили, что около суток. Но я не сомневаюсь, что бывает по-разному.

Аллейн сказал:

– Когда я впервые приехал в Новую Зеландию, я познакомился с одним представителем вашего народа, который рассказал мне о маоританга³². Мы подружились, и я многое от него узнал; это доктор Те Покиха.

– Ранги Те Покиха?! – воскликнул Джонстон. – Вы знакомы? Он – один из самых выдающихся наших старейшин.

И он пространно заговорил о своем народе.

– После того, что вы рассказали, могу ли я задать вам вопрос? – Аллейн вернул разговор к теме острова. – Вы верите, что это запретное место?

После долгой паузы Эру Джонстон ответил:

– Да.

– А вы бы приехали, – спросила Трой, – если бы знали об этом?

– Нет.

– Вы останетесь здесь, – спросил возникший рядом с Трой синьор Латтвенцо, – или воспользуемся земными благами в гостиной? Невозможно прощаться с людьми, которые тебя почти не слушают.

– Мне нужно отправить письмо, – сказал Аллейн. – Я, пожалуй, быстренько напишу его и попрошу кого-нибудь из этих людей опустить в почтовый ящик. А ты, Трой?

³¹ Белые люди (яз. маори).

³² Маорийское культурное наследие, совокупность маорийских традиций.

– Я, наверное, пойду в студию... Нужно разобрать рисунки.

– Я присоединюсь к тебе там.

– Да, дорогой, приходи.

Трой проводила его взглядом, пока он бегом поднимался по лестнице.

– Но ведь вы же не собираетесь начать писать картину после всего этого! – воскликнул синьор Латтеньцо.

– Ну уж нет! – сказала Трой. – Просто я беспокоюсь, и мне не сидится на месте. Ну и денек сегодня был, правда? А кто сейчас в гостиной?

– Хильда Дэнси и малышка Пэрри – они остаются. А также доктор Кармайкл, который мучительно страдает от морской болезни. В гостиной не очень-то весело, хотя проворный Хэнли так и снует туда-сюда. Это правда, что вы сделали несколько рисунков сегодня днем?

– Так, пару предварительных набросков.

– Вы рисовали Беллу?

– Да, в основном ее.

Мистер Латтеньцо склонил голову набок и придал взгляду выражение страстного желания. Трой рассмеялась.

– Хотите на них взглянуть? – спросила она.

– Естественно, я хочу на них взглянуть. А мне можно их увидеть?

– Тогда пойдете.

Они поднялись в студию. Трой один за другим выкладывала рисунки на мольберт, сбрызгивала их фиксатором из распылителя и раскладывала на подиуме для просушки. Синьор Латтеньцо нацепил монокль, сложил на большом животе пухлые ручки и принялся рассматривать рисунки.

После длинной паузы, во время которой наверх доносились смутные звуки жизнедеятельности в холле и где-то хлопнула дверь, синьор Латтеньцо сказал:

– Если бы вы не сделали вот этот, последний, что лежит справа, я бы сказал, что вы безжалостная дама, мадам Трой.

Это был самый небольшой из рисунков. На заднем плане был едва обозначен играющий как безумный оркестр. На переднем плане Ла Соммита, отвернувшись от них, смотрела в пустоту, и во всем, что Трой так экономно изобразила, сквозило безысходное отчаяние.

– Посмотрите только, что вы с ней сделали, – продолжил синьор Латтеньцо. – Она долго оставалась такой? Неужели она в кои-то веки посмотрела в лицо реальности? Я никогда не видел у нее такого взгляда, и теперь у меня такое чувство, что я вообще никогда ее не видел.

– Это длилось всего несколько секунд.

– Да? Вы напишете ее такой?

Трой медленно ответила:

– Нет, не думаю.

Она показала на рисунок, на котором Соммита триумфально, что есть силы пела, и рот ее был широко открыт.

– Я скорее думала, что вот это...

– Это портрет Голоса.

– Я хотела бы назвать его «Ля в альтовом ключе», потому что это очень красиво звучит. Я не знаю, что это означает, но понимаю, что это название было бы неподходящим.

– Да, совершенно неподходящим. *Mot juste*³³, кстати.

– «Ля третьей октавы» звучало бы не так очаровательно.

– Да.

³³ Меткое словечко (фр.)

– Может быть, просто «Самая высокая нота». Хотя не понимаю, чего я беспокоюсь о названии, когда еще даже не сделала ни одного мазка на холсте.

– Она видела рисунки?

– Нет.

– И не увидит, если это будет в ваших силах?

– Именно так, – кивнула Трой.

Они сели. Синьор Латтеньцо уютно болтал, рассказывая Трой забавные случаи из мира оперы и из жизни знаменитой труппы, наполовину итальянской, наполовину французской, звездой которой была Соммита, и в которой внутренние распри были настолько сильны, что, когда зрители спрашивали в кассе, какую оперу будут давать сегодня вечером, менеджер вмешивался и говорил: «Подождите, пока поднимут занавес, Мадам» или (о боже!) «Просто ждите, пока поднимут занавес». Он очень развлек Трой этим рассказом и другими разговорами. Через некоторое время пришел Аллейн и сказал, что катер возвращается, и что вторая партия гостей готовится к отъезду.

– Ветер почти штормовой, – сказал он. – Телефон не работает – наверное, неполадки на линии. Радио и телевидение отключены.

– С ними все будет в порядке? – спросила Трой. – С пассажирами?

– Реес говорит, что Лес знает свое дело и что он не стал бы перевозить их, если бы считал, что существует какой-то риск. Хэнли ходит и уверяет всех, что катер мореходный, что он стоил целое состояние и пересек Ла-Манш во время шторма.

– Как я рад, – воскликнул синьор Латтеньцо, – что я не на его борту!

Аллейн раздвинул шторы.

– Его уже видно отсюда, – сказал он. – Да, вот он, уже у пристани.

Трой подошла к мужу. Там, за полускрытым за шторами окном, в темной пустоте двигались огни, искаженные сбегавшими по стеклам ручьями воды.

– Они поднимаются на борт, – сказал Аллейн. – Интересно, Эру Джонстон рад, что покидает остров?

– Должно быть... – начал синьор Латтеньцо, но его прервал на полуслове чей-то громкий, как сирена, крик.

Он раздался где-то в доме, перешел в неясное бормотание, потом возобновился и стал еще громче.

– О нет! – раздраженно проворчал синьор Латтеньцо. – Господи, что там еще?!

Ответом ему был пронзительный вопль. Он тут же вскочил с места.

– Это не Белла кричит!

Крик приближался. Вот он уже на лестничной площадке. Теперь рядом с их дверью. Аллейн направился к двери, но не успел до нее дойти, как она распахнулась, и на пороге появилась Мария; ее рот был широко открыт, и она кричала изо всех сил.

– *Aiuto! Aiuto!*³⁴

Аллейн взял ее за плечи.

– *Che cosa succede?*³⁵ – спросил он. – Возьмите себя в руки, Мария. Что вы сказали?

Она уставилась на него, вырвалась, подбежала к синьору Латтеньцо и начала бить его сжатыми в кулаки руками, выплеснув на него поток итальянских слов.

Он схватил ее за запястья и встряхнул.

– *Taci!*³⁶ – крикнул он и обратился к Аллейну. – Она говорит, что Беллу убили.

³⁴ Помогите! (*ит.*)

³⁵ Что случилось? (*ит.*)

³⁶ Замолчи! (*ит.*)

IV

Соммита лежала на спине поперек кровати, накрытой красным стеганым покрывалом. Ее библейское платье было разорвано на груди до самой талии, а под левой грудью невообразимо и неуместно торчала рукоять ножа. Рану не было видно – ее закрывал пронзенный ножом и плотно прилегающий к телу кусочек глянцевой разноцветной бумаги или карты. Из-под него к обнаженным ребрам текла тонкая струйка крови, похожая на красную нить. Лицо Соммиты, если смотреть на него со стороны двери, была перевернуто. Глаза были выпучены, рот широко открыт. Из рта торчал язык, словно перед смертью она скорчила убийце гримасу горгульи. Правая рука, негнущаяся, словно деревянная, была поднята в фашистском приветствии. Ей словно придали позу для обложки слишком предсказуемого дешевого бульварного романа.

Аллейн повернулся к Монтегю Реесу, стоявшему на полпути между дверью и кроватью; синьор Латтвенцо поддерживал его под руку. Секретарь Хэнли резко остановился, едва войдя в комнату; он прикрыл рот рукой и выглядел так, как будто его сейчас стошнит. Было слышно, как за дверью Мария снова и снова начинает истерически кричать.

– Этот врач... Кармайкл, кажется? Он ведь остался? – спросил Аллейн.

– Да, – сказал мистер Реес. – Конечно. – Он повернулся к Хэнли.

– Приведите его.

– И закройте за собой дверь, – распорядился Аллейн. – Всем, кто есть в коридоре, скажите, чтобы они шли вниз и ждали в гостиной.

– И избавьтесь от этой проклятой бабы, – свирепо приказал мистер Реес. – Нет! Стойте! Скажите экономке, чтобы она занялась ею. Я... – он обратился к суперинтенданту, – ...что нам делать? Вы знаете, как поступают в таких случаях. Я... мне нужно несколько минут.

– Монти, мой дорогой! Монти, – умолял его Латтвенцо, – не смотри. Уйдем отсюда. Предоставь это другим. Аллейну, например. Пойдем со мной.

Тот набросился на Хэнли:

– Ну, чего вы ждете? Делайте, что вам велели, идиот! Ведите врача!

– Незачем прибегать к оскорблениям, – дрожащим голосом вымолвил Хэнли. Он растерянно огляделся, и взгляд его упал на лицо Соммиты. – Боже всемогущий! – воскликнул он и выбежал из комнаты.

Когда он ушел, Аллейн обратился к мистеру Реесу:

– Ваша комната на этом этаже? Пусть синьор Латтвенцо отведет вас туда. Доктор Кармайкл к вам зайдет.

– Я хотел бы увидеть Бена Руби. Мне не нужен врач.

– Мы найдем тебе Бена, – успокаивающе сказал Латтвенцо. – Пойдем.

– Я в полном порядке, Беппо, – заявил мистер Реес. Он высвободил руку и даже обрел способность изобразить свою обычную манеру общения, обращаясь к Аллейну: – Я с радостью предоставлю это вам. Распоряжайтесь, пожалуйста. Я в вашем распоряжении и желаю, чтобы меня обо всем информировали. – И тут же добавил: – Полиция. Нужно сообщить в полицию.

– Конечно, нужно. Когда это станет возможным, – заметил Аллейн. – В настоящий момент такой возможности нет. Мы отрезаны от мира.

Мистер Реес отрешенно смотрел на него.

– Я забыл, – признался он. И потом, ко всеобщему изумлению, добавил: – Это крайне неловкая ситуация.

И вышел из комнаты.

– У него травма, – неуверенно сказал Латтвенцо. – У него шок. Мне побыть с ним?

– Если вам не трудно. Может быть, когда придет мистер Руби...

– *Si, si, sicuro*³⁷. Тогда я ретируюсь.

– Только если пожелаете, – ответил Аллейн на приличном итальянском.

Оставшись в одиночестве, он вернулся к кровати. Опять работа, подумал он, и без всяких полномочий. Он подумал о Трой, о шести блистательных рисунках, об огромном пустом холсте, ждущем своего часа на новеньком мольберте, и ему захотелось, чтобы все они оказались за тринадцать тысяч миль отсюда, в лондонской студии.

В дверь постучали. Он услышал, как Латтгенцо говорит: «Да, сюда», и в комнату вошел доктор Кармайкл.

Это был мужчина средних лет, почти пожилой, имевший вид авторитетного человека. Он внимательно посмотрел на Аллейна и подошел напрямик к кровати. Аллейн наблюдал за тем, как он производит требуемый осмотр. Врач выпрямился.

– Незачем говорить вам, что ничего нельзя сделать, – сказал он. – Это совершенно шокирующее происшествие. Кто ее нашел?

– Похоже, ее горничная, Мария. Она подняла шум и говорила по большей части бессвязно. Не сомневаюсь, что вы все ее слышали.

– Да.

– Она говорила по-итальянски, – объяснил Аллейн. – Я понял кое-что; Латтгенцо, конечно, понял гораздо больше. Но даже ему некоторые ее слова показались непонятными. По всей видимости, после представления мадам Соммиту проводил в ее комнату мистер Реес.

– Так и есть, – сказал врач. – Я был там. Они попросили меня осмотреть этого мальчика. Когда я пришел, они уговаривали ее уйти.

– Ах да. Что ж. Мария ждала, что она ей понадобится. Ее госпожа, все еще расстроенная обмороком молодого Бартоломью, велела им оставить ее в покое. Мария приготовила одну из каких-то ее таблеток, ее халат – вот он, все еще аккуратно сложен на стуле. После этого она и мистер Реес ушли. Насколько я разобрал, она тревожилась за мадам Соммиту, и через некоторое время вернулась в комнату с горячим питьем – вот оно, стоит нетронутым – и нашла ее такой, какой вы ее видите. Вы можете определить время смерти?

– Точно, разумеется, сказать не смогу, но я бы сказал, что не больше часа назад. Возможно, гораздо меньше. Тело еще теплое.

– А что с поднятой рукой? Трупное очоенение? Или предсмертные конвульсии?

– Думаю, первое. Следов борьбы нет. А что это за карточка или бумажка? – спросил доктор Кармайкл.

– Это фотография, – сказал Аллейн.

V

Доктор Кармайкл недоверчиво воззрился на Аллейна, а потом склонился над телом.

– Бумагу лучше не трогать, – сказал Аллейн, – но вы можете посмотреть. – Он вынул из кармана шариковую ручку и с ее помощью расправил складки на снимке. – Убедитесь сами.

Доктор Кармайкл посмотрел.

– Боже мой! – воскликнул он. – Вы правы. Это ее фото. Она с открытым ртом. Поет.

– И нож проткнул фотографию в соответствующем месте – там, где сердце.

– Это... абсурдно. Когда... Где мог быть сделан снимок?

– Сегодня днем, в музыкальном салоне, – сказал Аллейн. – Она была в этой одежде и стояла в луче солнечного света. Моя жена нарисовала ее так же, как на этом снимке. Снимок, должно быть, сделали через окно. Одна из этих самопроявляющихся штук.

³⁷ Да, да, конечно (*ит.*).

– Что нам следует сделать? Я чувствую себя беспомощным, – растерялся доктор Кармайкл.

– Поверьте, я тоже! Реес говорит, что я должен «распорядиться»; все это очень хорошо, но у меня нет настоящих полномочий.

– О, несомненно!

– Я могу принять их на себя только до прибытия местной полиции. А когда это случится, зависит от проклятого «Россера» и аварии на телефонной линии.

– Я слышал, как молодой человек, который, кажется, более или менее за что-то отвечает... не знаю его имени...

– Хэнли.

– ...как он сказал, что, если шторм на озере усилится, то рулевой останется на большой земле и заночует на катере или в лодочном сарае. Он собирался помигать огнями, когда они доберутся туда, чтобы показать, что все в порядке. Кажется, Хэнли сказал, что рулевой звонил в колокол, хотя я не представляю, как он мог ожидать, что кто-то его услышит в такой шторм.

– Эру Джонстон сказал, что «Россер» обычно продолжается около суток.

– А тем временем?... – доктор Кармайкл кивком указал на кровать и лежащее на ней тело. – Каков обычно план действий?

– Подробный осмотр места происшествия. Ничего не трогать, пока криминалисты все не проверят; фотограф, следы, отпечатки пальцев, первый отчет патологоанатома. Всё, что вы можете прочесть в любом уважающем себя детективе, – объяснил Аллейн.

– Значит, мы накроем чем-нибудь тело и оставим все как есть?

Аллейн раздумывал пару минут.

– Вышло так, – сказал он, – что у меня с собой есть мой рабочий фотоаппарат. У моей жены есть широкая кисть для акварели из верблюжьего волоса. Вполне можно использовать тальк. Я чертовски давно не занимался оперативной работой, но, думаю, справлюсь. Когда я закончу, тело можно будет накрыть.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Аллейн после короткого колебания ответил:

– Я буду очень рад вашему обществу и вашей помощи. От вас, разумеется, потребуют дать показания на следствии, и я хотел бы иметь свидетеля моих, возможно, незаконных действий.

– Хорошо.

– Так что, если вы не возражаете, я оставлю вас здесь, пока я возьму все что нужно и повидаю жену. И думаю, мне нужно будет переговорить с Хэнли и с теми, кто остался в гостинице.

– Хорошо.

От порыва ветра оконные рамы задрожали.

– Не похоже, что шторм унимается, – сказал Аллейн и раздвинул тяжелые шторы. – Черт возьми! – воскликнул он. – Он сигналист! Смотрите!

Доктор Кармайкл подошел к окну. В черноте снаружи появился крошечный кружок света и через секунду погас. Это повторилось три раза. Последовала пауза. Огонек снова появился на целую секунду, за этим последовала быстрая вспышка, затем долгая. Снова пауза, и все повторилось.

– Это азбука Морзе?

– Да, он сигналист «ОК», – сказал Аллейн. – Ирония судьбы при теперешних обстоятельствах. Он дает нам знать, что катер благополучно добрался до берега.

Сигналы повторились.

– Так! – приказал Аллейн. – Пока он не уплыл. Быстро. Открывайте.

Они широко раздвинули шторы. Аллейн подбежал к выключателям на стене и включил их все. Соммита, лежавшая на кровати с широко раскрытым ртом, была теперь полностью освещена, как она того всегда требовала.

Аллейн выключил свет.

– Ничего не говорите, – обратился он к доктору, – иначе я напутаю. Вы знаете азбуку Морзе?

– Нет.

– Ох, вся надежда на память маленького бойскаута. Ну, поехали.

Положив на выключатели обе руки, он начал сигналить. Шторм хлестал в окна, выключатели щелкали: точка – точка – точка; тире – тире – тире; точка – точка – точка.

Аллейн подождал.

– Если он еще смотрит сюда, – сказал он, – он ответит.

И после пугающе долгой паузы пришел ответ. Светящаяся точка появилась и исчезла.

Аллейн начал снова, медленно и старательно: «SOS. Срочно. Свяжитесь. Полиция. Убийство». И опять: «SOS. Срочно. Свяжитесь. Полиция. Убийство».

Он повторил это три раза и стал ждать – как ему показалось, целую вечность.

Наконец пришло подтверждение: «Понял вас».

Тогда Аллейн сказал:

– Надеюсь, это работает. Если вы не хотите оставаться в комнате, возьмите ключ у экономки. Заприте комнату снаружи и ждите меня в коридоре. За ширмой есть стул. Полминуты. Я лучше осмотрюсь тут перед уходом.

В огромной спальне Соммиты была еще одна дверь, которая вела в ее ванную – чрезвычайно экзотическое помещение, застланное малиновым ковром, со встроенным в стену туалетным столиком и зеркалом, окруженным лампами, с полками по бокам, уставленными множеством флаконов, пульверизаторов, баночек и коробочек; в вазе венецианского стекла стояли хрустальные цветы.

Аллейн взглянул на раковину. Она была безупречно чистой, но влажной, мыло было мокрое. На полотенцесушителе висело несколько малиновых полотенец; одно из них было мокрым, но не запачканным.

Он вернулся в спальню и быстро осмотрелся. На прикроватном столике стояла полная чашка какого-то молочно-белого напитка. Он все еще был слегка теплым, и на его поверхности образовалась пленка. Рядом с чашкой стоял стакан воды и флакон снотворных таблеток известного производителя. Одна таблетка была выложена рядом с водой. Доктор Кармайкл ждал, повернувшись спиной к кровати.

Они вышли из комнаты вместе. Доктор Кармайкл предложил, чтобы Аллейн оставил ключ у себя.

– Если вы не против, – сказал он, – я взглянул бы на этого молодого парня. После обморока он чувствовал себя не очень-то хорошо.

– Да, я так и понял. Вы его осмотрели?

– Реес меня об этом попросил. Секретарь в большом расстройстве вышел на сцену, и я пошел с ним за кулисы.

– Понятно. Что вы там обнаружили?

– Я обнаружил приходящего в себя Бартоломью, мадам Соммиту, которая трясла его, словно кролика, и этого ее итальянского учителя пения – Латтгенцо, – который приказывал ей прекратить. Она разрыдалась и ушла. Реес пошел за ней. Полагаю, тогда она и поднялась к себе. У инженерю – маленькой мисс Пэрри – оказалось достаточно здравомыслия, чтобы принести парню стакан воды. Мы его усадили, а потом, когда он пришел в себя, отвели в его комнату. Латтгенцо предложил дать ему одну из своих снотворных таблеток и уложить его в кровать,

но тот хотел, чтобы его оставили одного. Я вернулся в гостиную. Так что, если вы не против, я пойду проверю его.

– Конечно. Я бы хотел пойти с вами.

– Правда? – удивленно переспросил доктор Кармайкл. – А, понимаю. Или нет? Вы все проверяете. Верно?

– Ну, вроде того. Подождите минутку, ладно?

Внизу, в холле, закрылась дверь, и Аллейн уловил звук защелкивающегося замка. Он подошел к верхней площадке лестницы и поглядел вниз. Он безошибочно различил фигуру их водителя с тяжелыми плечами и рыжеватыми короткими волосами. Тот как раз отходил от парадной двери и, очевидно, запирает дом на ночь. Как там его зовут? Ах да, Берт.

Аллейн негромко свистнул сквозь зубы.

– Эй! Берт! – позвал он.

Шофер оглянулся, и Аллейн увидел его надежное лицо. Аллейн кивнул, и Берт поднялся по лестнице.

– Добрый день, – сказал он. – Как нехорошо. Убийство, а?

– Слушайте, как вы смотрите на то, чтобы помочь? Доктор Кармайкл и я должны кое-кого навестить, но мне не хочется оставлять этот коридор без присмотра. Не будете ли вы так добры побыть здесь? Надеюсь, мы не задержимся надолго.

– Не вопрос, – Берт кивнул головой в сторону двери в спальню. – Это там?

– Да. Дверь заперта.

– Но вы думаете, что кто-то может начать вынюхивать?

– Вроде того. Ну так что?

– Я не против. Все придется делать самому, да?

– С доктором Кармайклом. Я был бы вам *очень* благодарен. Никто не должен туда входить, кто бы он ни был.

– Понял, – сказал Берт.

И он развалившись сел на стул за ширмой.

– Пойдемте, – сказал Аллейн доктору Кармайклу. – Где его комната?

– Сюда.

Проходя мимо двери в студию, Аллейн остановился:

– Секундочку.

Он вошел. Трой сидела на краю подиума и выглядела очень несчастной. Она вскочила ему навстречу.

– Ты все знаешь? – спросил он.

– Синьор Латтгенцо пришел и сказал мне. Рори, какой ужас!

– Знаю. Жди здесь. Хорошо? Или хочешь лечь?

– Я в порядке. Мне кажется, я еще не до конца поверила в то, что это случилось.

– Я недолго, обещаю.

– Не думай обо мне. Я в порядке. Рори, синьор Латтгенцо, кажется, считает, что это был Филин, фотограф. Это возможно?

– Думаю, вряд ли.

– Я не очень-то верю в существование этого фотографа.

– Мы поговорим об этом потом, если хочешь. А пока что найди мне, пожалуйста, мой фотоаппарат, большую колонковую кисть и тальк во флаконе с распылителем.

– Конечно. В нашей ванной есть по меньшей мере три таких флакона. Почему люди вечно дарят друг другу тальковую присыпку и никогда не пользуются ею сами?

– Надо в этом разобраться, когда будет время. Я вернусь за всеми этими вещами.

Аллейн поцеловал жену и вернулся к доктору.

Комната Руперта Бартоломью была через две двери дальше по коридору. Доктор Кармайкл остановился.

– Он не знает, – сказал он. – Если, конечно, кто-нибудь не пришел и не сказал ему.

– Если он принял пилюлю Латтгенцо, то должен сейчас спать.

– По идее да. Но эти таблетки самого слабого действия.

Доктор Кармайкл открыл дверь, Аллейн вошел вслед за ним.

Руперт не спал. Он даже не разделся. Он сидел на кровати, выпрямившись и обхватив руками колени, и показался им совсем юным.

– Здравствуйте! – сказал доктор Кармайкл. – Это еще что такое? Вы должны были крепко спать. – Он взглянул на прикроватный столик с зажженной лампой, стаканом воды и лежащей рядом таблеткой. – Значит, вы не приняли таблетку, которую дал вам Латтгенцо. Почему?

– Не захотел. Я хочу знать, что происходит. Все эти крики и беготня. – Бартоломью посмотрел на Аллейна. – Это была она? Белла? Это из-за меня? Я хочу знать. Что я наделал?

Доктор Кармайкл взялся пальцами за запястье Руперта.

– Ничего вы не наделали. Успокойтесь.

– Тогда почему...

– Суматоха, – сказал Аллейн, – не имела к вам никакого отношения. Насколько нам известно. Абсолютно. Это кричала Мария.

На лице Руперта появилось и тут же исчезло выражение, которое при менее драматичных обстоятельствах можно было бы описать как обиженное; затем он искоса посмотрел на них и спросил:

– Тогда почему Мария кричала?

Аллейн обменялся взглядами с доктором, и тот едва заметно кивнул.

– Ну? – требовательно повторил Бартоломью.

– Потому, – сказал Аллейн, – что случилось несчастье. Трагедия. Смерть. Для вас это будет потрясением, но, насколько мы можем судить (надо признаться, не слишком глубоко), нет причин связывать это с тем, что произошло после спектакля. Вы все равно об этом узнаете, так что нет смысла утаивать это от вас.

– Смерть? Вы хотите сказать... Вы же не о... Белле?

– Боюсь, что так.

– Белла? – недоверчиво переспросил Руперт. – Белла? Мертва?

– В это трудно поверить, да?

Последовало долгое молчание, которое первым нарушил Руперт:

– Но... почему? Что случилось? Это сердечный приступ?

– Можно сказать, – заметил доктор Кармайкл с ноткой мрачной эксцентричности, свойственной врачам, – что все смерти являются следствием сердечной недостаточности.

– А вам известно, что у нее были какие-то проблемы с сердцем? – спросил Аллейн.

– У нее было высокое давление. Она обращалась к специалисту в Сиднее.

– Вы знаете, к кому именно?

– Я не помню. Монти должен знать. И Нед Хэнли.

– Это была серьезная проблема, как вам кажется?

– Врач велел ей... сбавить темп. Не слишком волноваться. Всякое такое. – Бартоломью посмотрел на них так, словно предчувствовал что-то. – Мне следует ее увидеть? – с запинкой спросил он.

– Нет, – быстро ответили оба.

Он выдохнул.

– Я не могу осознать это, – сказал он, медленно качая головой. – Совсем не могу это осознать. Я не могу в это поверить.

– Лучшее, что вы можете сделать, – заметил доктор Кармайкл, – это выпить таблетку и лечь спать. Вы абсолютно ничего больше не можете сделать.

– Ох. Понимаю. Ну, тогда ладно, – ответил Руперт, говоря словно бы наобум. – Но я лягу в постель, если вы не против.

Он взял таблетку, запил ее водой и откинулся назад, глядя прямо перед собой.

– Невероятно! – пробормотал он и закрыл глаза.

Аллейн и Кармайкл подождали пару минут. Руперт открыл глаза и выключил лампу у кровати. Они в замешательстве направились к двери.

– Спасибо, – сказал Руперт в темноте. – Доброй ночи.

В коридоре Кармайкл сказал:

– Очень странный вышел разговор.

– Да, весьма.

– Можно было почти уверенно сказать, что... то есть...

– Что?

– Что ему стало легче. Не поймите меня неправильно. Он испытал шок – я имею в виду это его поразительное извинение за оперу, которое я, признаться, не счел особенно впечатляющим, и его обморок. Пульс у него до сих пор неровный. Но его реакция, – повторил Кармайкл, – была странной, вы не находите?

– Люди склонны вести себя странно, когда слышат о смерти. Уверен, вы с этим сталкивались, разве нет? В этом же случае, мне кажется, присутствует чувство избавления.

– *Избавления?* От чего?

– Ну, – сказал Аллейн, – от трудной ситуации. От чрезвычайно сильной тревоги. От большого напряжения. Кто-то – кажется, это был Шоу – сказал, что после смерти даже самых близких и дорогих людей человек всегда испытывает чувство освобождения. И облегчения.

Кармайкл фыркнул и изучающе посмотрел на Аллейна.

– Вы не сказали ему, что это было убийство.

– Нет. Утром для этого будет достаточно времени. Пусть насладится пользой от таблетки Латгьенцо.

Доктор Кармайкл снова фыркнул.

Аллейн после вернулся к Трой, которая уже держала наготове фотоаппарат, кисть и тальк.

– Как себя чувствует этот мальчик? Как он воспринял новость?

– В целом хорошо. На удивление хорошо.

– Возможно, он исчерпал способность реагировать эмоционально. Он был на пределе своих сил в этом смысле.

– Может, и так. А ты – самая мудрая пушистая совушка, и тебе пора устраиваться на ночлег. Я ухожу, и похоже, это будет одна из тех ночей.

– О, как в том деле с Фоксом, Томпсоном и Бэйли?

– Не то слово. И когда хочется, чтобы ты была в своем лондонском гнездышке за тринадцать тысяч миль отсюда, – сказал Аллейн. – Но раз уж ты здесь, то лучше запишись на ключ, когда будешь ложиться.

– Я?! – недоверчиво воскликнула Трой. – Зачем?

– Чтобы мне пришлось тебя разбудить, – сказал Аллейн и ушел.

Он попросил Берта продолжить дежурство, пока он с доктором Кармайклом сходит в гостиную.

Доктор Кармайкл сказал:

– Но я не совсем понимаю... Ключ ведь у вас.

– Могут быть и другие ключи – у других людей. У Марии, например. Если Берт продолжит сидеть за ширмой, он увидит любого, кто попытается войти.

– Не могу представить, чтобы кто-то захотел вернуться туда. Даже убийца.

– Нет? А я могу, – возразил Аллейн.

Они спустились в гостиную.

Там сидело маленькое бледное трио оставшихся гостей: Хильда Дэнси, Сильвия Пэрри и Латтвенцо. Мистер Реес, как понял Аллейн, заперся в кабинете с Беном Руби и Хэнли. В гостиной лишь наполовину успели убрать предобеденный беспорядок, когда пришла страшная новость. Повсюду стояли бокалы из-под шампанского, полные окурков пепельницы и ведерки с растаявшим льдом. Камин прогорел до углей, и, когда Аллейн вошел, синьор Латтвенцо осторожно клал на них небольшое полено.

Мисс Дэнси тут же взялась за Аллейна. Правда ли, рокотала она, что он теперь за главного? Если да, то пусть он скажет им, что именно произошло. Соммиту в самом деле умертвили? Означает ли это, что по дому на свободе разгуливает убийца? Как именно ее убили?

К этому моменту синьор Латтвенцо успел расположиться за спиной мисс Дэнси, чтобы строить Аллейну неодобрительные гримасы.

– Мы имеем право знать, – заявила самоуверенно мисс Дэнси.

– И узнаете, – сказал Аллейн. – Час или два назад мадам Соммита была убита в своей спальне. Это все, что нам известно. Мистер Реес попросил меня распоряжаться до тех пор, пока об этом не сообщат местной полиции. Я собираюсь организовать осмотр дома и территории вокруг него. Есть рутинные вопросы, которые я задам всем, кто остался в доме после последнего рейса катера. Если вы предпочитаете разойтись по своим комнатам, то пожалуйста, сделайте это, но знайте, что я могу постучать к вам, когда осмотр будет закончен. Я уверен, что синьор Латтвенцо будет рад проводить вас до ваших комнат.

Синьор Латтвенцо несколько бессвязно уверил милых дам, что он в их распоряжении.

– Я останусь здесь, – сказала мисс Дэнси. – А вы, дорогая?

– Да. Да, я тоже, – решила Сильвия Пэрри и обратилась к Аллейну: – А Руперт знает? Про мадам Соммиту?

– Доктор Кармайкл и я сообщили ему.

Доктор Кармайкл неопределенно хмыкнул.

– Это наверняка оказалось ужасным потрясением для Руперта, – протянула Сильвия. – Для всех, конечно, но особенно для Руперта. После... того, что случилось.

И с некоторым вызовом добавила:

– Я считаю, что Руперт поступил очень смело. Для этого нужно было огромное мужество.

– Мы все это знаем, дорогая, – сказала мисс Дэнси мрачно и одновременно успокаивающе.

– Прежде чем я уйду, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло после того как Бартоломью потерял сознание, – попросил Аллейн.

Составленный дамами рассказ был похож на плохо отрепетированный дуэт, который время от времени прерывался, когда они спорили о деталях и призывали на помощь синьора Латтвенцо. Похоже, как только Руперт упал, стоявший неподалеку Хэнли дал команду: «Занавес», и сам опустил его. Сильвия Пэрри опустилась рядом с Рупертом на колени и ослабила его галстук и воротник. Родольфо Романо сказал что-то про свежий воздух и стал обмахивать Руперта подолом своего библейского одеяния. Соммита пронзительно закричала, сама же зажала себе рот рукой, безумным взглядом обвела собравшихся и затем бросилась на все еще лежавшего без сознания Руперта с такой страстью, что было невозможно понять, движет ею раскаяние или ярость. В этот момент пришел синьор Латтвенцо, за ним – мистер Реес и Бен Руби.

Насколько удалось понять Аллейну, эти трое, не теряя времени, очень по-деловому повели себя с дивой, оторвав ее от Руперта и настоятельно посоветовав ей отправиться в свою комнату. С этого места рассказ более или менее соответствовал тому, что уже сообщили синьор

Латтгенцо и врач. Мистер Реес сопровождал Соммиту из концертного зала, который к этому времени уже покинула публика; насколько все поняли, он повел ее в ее комнату. Хэнли привел доктора Кармайкла, Сильвия Пэрри принесла воды. Руперта, когда он в достаточно степени пришел в себя, отвели в его комнату доктор Кармайкл и синьор Латтгенцо, который затем принес таблетку и положил ее на прикроватный столик. Руперт отказался от всех предложений помочь ему раздеться и лечь в постель, поэтому они оставили его в комнате и спустились к обеду. Дамы и все прочие актеры уже сидели за столом.

– Что делал Хэнли после того, как привел доктора Кармайкла? – спросил Аллейн.

Оказалось, что никто этого не заметил. Мисс Дэнси сказала, что он казался «совершенно несоборанным», а Сильвия считала, что это он убедил их отправиться в столовую.

На этой туманной ноте Аллейн их покинул.

В холле он столкнулся с вездесущим Хэнли, который сказал, что вся прислуга собралась в гостиной для персонала и ожидает указаний. Аллейн понял, что Мария, так сказать, выступила в роли «главной звезды». Прислуга из Новой Зеландии – те, кого наняли из недавно обанкротившегося отеля, включая повара и экономку, – начали проявлять нетерпение под натиском периодически возобновлявшихся истерик Марии, которые, как догадался Аллейн, строились по аналогии с истериками ее покойной хозяйки.

Гостиная для персонала, которая в менее демократичные времена называлась бы комнатой для слуг, была большой, с современным декором и яркой мебелью, цветным телевизором, столом для пинг-понга и большим количеством удобных и практичных кресел. Экономка – как оказалось, с недвусмысленной, в стиле Конгрива³⁸, фамилией миссис Бейкон³⁹ – сидела в стороне от остальных, но рядом с мистером Реесом. Это была хорошо одетая, привлекательная женщина достойного вида. Позади нее расположилась группа из двух мужчин и трех девушек в подавленном настроении – как предположил Аллейн, бывших работников отеля, которых она привела с собой в дом.

Хэнли продолжал играть роль беспокойного мальчика на побегушках и слонялся у дверей – очевидно, готовый к тому, что произойдет еще что-нибудь неожиданное.

Аллейн сказал, что знает, насколько они потрясены и напуганы, и уверил их, что предъявит к ним как можно меньше требований.

– Я уверен, – говорил он, – что все вы задаете себе вопрос: есть ли какая-то связь между этим чудовищным преступлением и недавней деятельностью неуловимого фотографа. – Тут он задумался, а видела ли Мария пригвожденную к телу фотографию. – Полагаю, вы спрашиваете себя, может ли быть преступником вчерашний нарушитель, которого мы так и не смогли выследить. Уверен, что ваши поиски, – здесь Аллейну удалось избежать саркастического тона, – были чрезвычайно тщательными. Но в делах такого рода нужно принимать во внимание любую вероятность, даже самую отдаленную. По этой причине я попрошу мужчин разделиться на пары и обыскать весь дом внутри. Я хочу, чтобы пары все время оставались вместе, не разделяясь. Не входите в комнату мадам Соммиты, она заперта. Мистер Бартоломью уже лег, его не следует беспокоить. Просто тихонько загляните к нему и убедитесь, что он у себя. Я прошу вас убедиться в том, что в доме нет посторонних. Открывайте любые двери, за которыми может кто-то прятаться, заглядывайте под кровати и за занавески, но не делайте ничего другого. Я попрошу миссис Бейкон и мистера Хэнли возглавить эту операцию.

Он повернулся к миссис Бейкон.

– Мы с вами можем побеседовать? – предложил он.

– Конечно, – ответила она. – В моем кабинете.

³⁸ Уильям Конгрив (1670–1729) – английский драматург эпохи классицизма, стоявший у истоков английской комедии нравов; часто давал своим персонажам «говорящие» фамилии.

³⁹ Англ. *bacon* – бекон.

– Хорошо, – Аллейн оглядел остальных. – Я хочу, чтобы вы оставались здесь. Мы не заставим вас долго ждать. Я оставлю за себя доктора Кармайкла.

Миссис Бейкон повела Аллейна и Хэнли в свой кабинет, оказавшийся гостиной с большим письменным столом.

– Не знаю, джентльмены, хотите ли вы выпить, но я точно хочу.

Она подошла к шкафчику и достала оттуда бутылку виски и три стакана. Аллейн не хотел пить, но счел благоразумным согласиться.

– О да. О да, пожалуйста! – воскликнул Хэнли.

– Не вижу смысла притворяться, будто я считаю, что преступник, совершивший это убийство, смог покинуть остров, – сказал Аллейн. – Я также не думаю, что он находится снаружи в такой шторм или прячется в ангаре. Миссис Бейкон, весь персонал собрался в гостиной? Никто не отсутствует?

– Нет. Я в этом удостоверилась.

– Хорошо. Думаю, лучше всего будет составить пары из персонала и гостей, а вы вдвоем распределите между ними участки так, чтобы они не пересекались. Я недостаточно знаком с планировкой дома, чтобы делать это самому. Я буду ходить везде.

Миссис Бейкон смотрела на него, ни на секунду не отводя взгляда. Он решил, что она, вероятно, приобрела эту манеру за время работы в отеле, когда выслушивала жалобы постояльцев. Затем она спросила:

– Я правильно понимаю, что вы не верите в то, что убийца находился на острове вчера? Что на самом деле тот нарушитель не был убийцей?

Аллейн после некоторого колебания ответил:

– Я не думаю, что нарушитель и убийца – одно и то же лицо, нет.

Хэнли громко воскликнул:

– О нет! Но вы же не можете... То есть... Это означало бы, что... О нет!

– Это означало бы, – сказала миссис Бейкон, по-прежнему глядя на Аллейна, – что мистер Аллейн считает, что мадам Соммиту убил либо кто-то из гостей, либо кто-то из прислуги. Правильно, мистер Аллейн? То есть, если я могу так выразиться, это сделал один из нас?

– Совершенно верно, миссис Бейкон, – кивнул Аллейн.

Глава 5. Ноктюрн

Поиски, как и предполагал Аллейн, оказались совершенно бесполезным занятием. Пары подобрали очень тщательно: Марко с миссис Бейкон, Бен Руби с доктором Кармайклом, а Хэнли – с поваром, к которому он, кажется, испытывал привязанность. Аллейн маневрировал между парами, появляясь там, где его меньше всего ждали, иногда проверяя комнату, которую уже осмотрели, иногда наблюдая за неохотно действующими осмотрщиками, и всегда внимательно следя за их реакцией на это задание.

Реакция не особенно менялась. Хэнли был очень внимателен, без конца улыбался и то и дело затевал небольшие дружеские споры с поваром. Бен Руби курил сигару и давал своему партнеру, доктору Кармайклу, указания о том, где искать, но сам практически ничего не делал. Аллейну показалось, что он поглощен своими мыслями, словно наткнулся в газете на трудный кроссворд. Синьор Латтеньцо выглядел так, как будто считал поиски тщетными.

Когда они закончили обыскивать дом, все вернулись в гостиную для персонала, где по просьбе Аллейна к ним присоединились Хильда Дэнси и Сильвия Пэрри. Всем им нечего было сообщить. Аллейн заметил, что новозеландцы сгрудились вместе. Миссис Бейкон и бывшие сотрудники отеля все вместе пристально следили за итальянцами. Марко присоединился к синьору Латтеньцо. Мария вошла в слезах, но старалась их подавить – Аллейн решил, что миссис Бейкон ее пристыдила. Хэнли отошел от повара и присоединился к Бену Руби.

Когда все собрались, открылась дверь и вошел мистер Реес. Он словно пришел, чтобы председательствовать на совете акционеров. Хэнли старательно предлагал ему присесть, но тот не обратил на него никакого внимания.

Мистер Реес обратился к Аллейну:

– Пожалуйста, не прерывайтесь из-за меня. Продолжайте.

– Благодарю вас, – сказал Аллейн.

Он рассказал мистеру Реесу о не принесшем результатов обыске дома; мистер Реес выслушал его с холодным вниманием. Затем Аллейн обратился к собравшимся. Он поблагодарил их за выполнение этой неприятной задачи и добавил, что если задним числом кто-либо из них вспомнит что-то хоть сколько-нибудь важное, то он просит немедленно ему об этом сообщить. Ответа не последовало. После этого он спросил, у скольких из них есть фотоаппараты.

Вопрос вызвал озабоченность. Все стали поглядывать друг на друга.

– Ну же, – сказал Аллейн. – Незачем так реагировать на безобидный вопрос. Я подам вам пример. – Он поднял руку. – У меня есть фотоаппарат, и я готов поспорить, что он есть у большинства из вас. Поднимите руки.

Мистер Реес, словно поддержав его движение, тоже поднял руку. Один за другим их примеру последовали еще семеро, не отреагировали только шестеро: три новозеландца из прислуги, Мария, Марко и Хильда Дэнси.

– Хорошо, – сказал Аллейн. – Теперь я попрошу тех, у кого есть фотоаппарат, назвать его марку и сказать, пользовались ли вы им в течение последней недели и что именно вы снимали. Миссис Бейкон?

– Старый Simplex. Я пользовалась им вчера. Снимала людей вокруг бассейна из окна моей гостиной.

– Мисс Пэрри?

– У меня Pixie. Я пользовалась им вчера. – Она покраснела. – Я снимала Руперта. У пристани.

– Синьор Латтеньцо?

– О, мой дорогой мистер Аллейн! – сказал тот, разводя руками. – Да, у меня есть фотоаппарат. Его подарила мне – простите мне мой серьезный вид и покрасневшие щеки – благодар-

ная ученица. Изабелла. Я не помню, как он называется, и я так и не смог овладеть его до нелепости сложным механизмом работы. Я ношу его с собой, чтобы показать свою увлеченность.

– И вы им не пользовались?

– Ну, – сказал синьор Латтjenцо, – в каком-то смысле пользовался. Вчера. Я вспоминаю об этом с огорчением. Изабелла предложила мне сфотографировать ее у бассейна. Вместо того, чтобы признаться в своей некомпетентности, я направил фотоаппарат на нее и нажал маленькую кнопку. Аппарат убедительно щелкнул. Я повторил эту операцию еще несколько раз. Что касается результатов, на этот счет есть серьезные опасения. Если результаты и есть, то они находятся во внутриутробном состоянии в чреве камеры. Вы можете сыграть роль акушера, – предложил синьор Латтjenцо.

– Благодарю вас. А вы, мистер Руби? У вас ведь великолепная камера немецкого производства, не так ли?

Фотоаппарат мистера Руби представлял собой очень сложную и дорогую версию камер с мгновенной проявкой снимка. Он пользовался ею утром, когда все гости выстроились на фоне дома. «Картинка», как он назвал фотографию, была при нем, и он показал ее Аллейну. На снимке Трой стояла между мистером Реесом, лицо которого как обычно ничего не выражало, и игриво тарашившимся на нее синьором Латтjenцо. В центре, конечно, была Соммита, чья рука властно лежала на плечах испуганного Руперта, а стоявшая с другой стороны от него Сильвия Пэрри смотрела прямо перед собой. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она держала его за руку.

Сам Аллейн был на полторы головы выше всех остальных, и сейчас он со стоической неприязнью заметил, что на него весело смотрит вездесущий Хэнли, стоявший на три человека дальше в заднем ряду.

После опроса владельцев фотоаппаратов в конечном итоге получалось, что мистер Реес, Бен Руби, Хэнли и синьор Латтjenцо (если он знал, как им пользоваться) все владели фотоаппаратами, с помощью которых можно было получить снимок, который сейчас был приколот под грудью убитой Соммиты.

Мария слушала все эти вопросы и ответы с каким-то затаенным негодованием. В какой-то момент она вспыхнула и напонила Марко на бранном итальянском, что у него есть фотоаппарат, но он об этом умолчал. Он столь же враждебно ответил ей, что его фотоаппарат исчез во время австралийского турне, и мрачно намекнул на то, что сама Мария знает в этой связи больше, чем она готова сообщить. Поскольку ни один из них не вспомнил марку камеры, их диалог не принес никаких результатов.

Аллейн спросил, есть ли фотоаппарат у Руперта Бартоломью. Хэнли сказал, что есть, и что он фотографировал остров с берега озера и берег озера с острова. Никто совершенно ничего не знал о его камере.

Аллейн закончил опрос, который занял меньше времени, чем его описание. Он сказал, что, будь это полицейский допрос, их всех попросили бы показать руки и закатать рукава, так что, если они не возражают, он был бы очень признателен, если бы...

Возражала только Мария, но мистер Реес в недвусмысленных выражениях призвал ее к порядку, и она вытянула вперед свои конечности с таким видом, словно ждала, что ее разденут догола.

Покончив с этой пугающей, но бесплодной формальностью, Аллейн сказал, что все могут идти спать, и посоветовал им запереть двери. Затем он вернулся на лестничную площадку, где нес вахту Берг, сидевший за большой ширмой, на которой оживленно резвились нарисованные в ультрасовременной манере обнаженные фигуры. Он имел возможность наблюдать за дверью в спальню Соммиты через щели между панелями ширмы. Эту часть дома осматривали Бен Руби и доктор Кармайкл. Они не пытались открыть дверь в спальню, но постояли около нее пару минут, перешептываясь, словно боялись, что Соммита может их услышать.

Аллейн велел Берту сидеть на месте тихо и незаметно. Затем он отпер дверь, и они с доктором Кармайклом вернулись в спальню.

В случае убийства, когда тело оставляют нетронутым и особенно когда в его позе есть элемент гротеска или крайней формы насилия, перед тем как вернуться к нему, у человека могут возникать странные мысли: может, оно изменило положение? Есть что-то шокирующее в том, что тело выглядит точно так же, как и раньше; так лежала и Соммита – все еще с разинутым ртом и высунутым языком как у горгульи, пристально глядя куда-то и указывая на что-то застывшей рукой. Аллейн сфотографировал ее, стоя у двери.

Вскоре в комнате повис ужасающий запах фиалок: Аллейн воспользовался тальком. После этого он сфотографировал рукоять ножа – тонкую, с рифлеными вертикальными полосками и богато украшенным серебряным шариком на конце. Доктор Кармайкл держал поближе к нему прикроватную лампу.

– Вы, наверное, не знаете, откуда он? – спросил он.

– Думаю, знаю. Это один из тех двух, что висели на стене позади беременной женщины.

– Какой беременной женщины? – испуганно воскликнул доктор.

– В холле.

– А, этой...

– Два таких кинжала висели там скрещенными на скобах. Теперь там только один.

Последовала пауза, во время которой Аллейн сделал еще три снимка.

– Но вы не знаете, когда его оттуда взяли? – спросил доктор Кармайкл.

– Только то, что он был там до массового отъезда сегодня вечером.

– У вас, конечно, натренированный глаз, вы умеете замечать детали.

При помощи верблюжьей кисти Трой Аллейн нанес фиалковую пудру вокруг рта Соммиты, превратив ее лицо в гримасу загримированного клоуна.

– Ну у вас и хладнокровие, – заметил доктор.

Аллейн поднял на него взгляд, и в этом взгляде было что-то такое, что заставило доктора Кармайкла торопливо сказать:

– Простите, я не то имел в виду...

– Уверен, что нет. Видите вот это? Над уголками рта? Под скулами?

Кармайкл нагнулся.

– Синяки, – пробормотал он.

– Не гипостаз?⁴⁰

– Не думаю. Но я не патологоанатом, Аллейн.

– Нет. Но есть четко выраженные различия, так ведь?

– Именно.

– Она была очень сильно накрашена. Сильнее обычного, конечно – для представления. И она не сняла макияж. Тут какая-то основа, а поверх нее – слой крема. Тонального. А потом еще слой пудры. Эти синяки, если это действительно синяки, выглядят так, как будто макияж под скулами испорчен, вам не кажется? Он как будто сдвинут вверх.

После довольно долгой паузы доктор Кармайкл сказал:

– Возможно. Очень даже возможно.

– И взгляните на область под нижней губой. Она не очень выражена, но вам не кажется, что она может проявиться сильнее? Какие мысли у вас возникают?

– Опять же синяки.

– Давление на нижние зубы?

⁴⁰ Трупный гипостаз проявляется через 3–6 часов после смерти в виде фиолетовых или темно-багровых пятен на коже. Время появления и интенсивность этих пятен имеют значение в судебно-медицинской практике для выяснения времени и механизма смерти.

– Да. Это возможно.

Аллейн подошел к туалетному столику Соммиты, где стояла позолоченная коробочка с маникюрными принадлежностями. Он выбрал тонкую длинную пилку, вернулся к кровати, просунул ее между языком и нижней губой Соммиты.

– Прикушена, – заключил он.

Не касаясь кожи и держа левую руку в полудюйме от мертвого лица, он расположил большой палец под одной скулой, остальные пальцы под другой, а ребро ладони над подбородком и ртом.

– Похоже, у этого человека руки были больше моих. Но не намного. Я почти накрыл своей рукой следы.

– Вы ведь говорите об удушении?

– Думаю об этом. Да. Здесь есть эти мелкие пятнышки.

– Асфиктические кровоизлияния. На глазных яблоках.

– Да, – сказал Аллейн и на секунду сам прикрыл глаза. – Можно ли с большей точностью это подтвердить?

– Будет понятно после вскрытия.

– Разумеется, – согласился Аллейн.

Он снова склонился над трупом и уже собирался сделать очередной снимок, как вдруг замер, наклонился еще ниже, принюхался и выпрямился.

– Понюхайте, – сказал он. – Запах очень слабый.

Доктор Кармайкл наклонился.

– Хлороформ, – подтвердил он. – Вы правы, запах слабый, но ошибиться невозможно. И взгляните сюда, Аллейн. На горле, справа от гортани, синяк.

– А вы обратили внимание на запястья?

Доктор Кармайкл посмотрел на запястье левой, поднятой в застывшем жесте руки, и правой, лежащей на покрывале.

– Синяки.

– В результате чего они появились, по вашему мнению?

– Следы рук. И что теперь? – спросил доктор Кармайкл.

– Вырисовывается гипотетическая последовательность событий, – предположил Аллейн. – Хлороформ. Удушение. Смерть. Рвут платье. Два человека – один держал ее за запястья, другой применил хлороформ. Кинжал воткнули позже. Если это так, то это объяснило бы совсем небольшое количество крови, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.